

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.009

А.В. Ганин

«ДВА МЕСЯЦА НА ПОСТУ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА (СЕНТЯБРЬ — ОКТАБРЬ 1917 г.)» ГЕНЕРАЛА В.В. МАРУШЕВСКОГО

этом году исполняется 150 лет со дня рождения видного отечественного военного деятеля, генерал-лейтенанта Владимира Владимировича Марушевского (12.07.1874–24.11.1951) — последнего начальника Генерального штаба старой России осенью 1917 г. и командующего анти-

большевистскими силами на Севере России в 1918–1919 гг.

Широко известны его воспоминания «Год на Севере» о событиях Гражданской войны, когда генерал в 1918–1919 гг. командовал антибольшевистскими силами Северной области¹. Марушевский сообщал бывшему генерал-губернатору Северной области и главнокомандующему всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте генералу Е.К. Миллеру в начале 1920-х гг., что написал свои воспоминания «искренно и в очень сдержанной форме (без свойственной мне резкости)»². Воспоминания в 1927 г. были изданы

¹ *Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 21–61; Кн. 3. С. 15–52; его же. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 170–341.*

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 72. Л. 2 об.

Генерал В.В. Марушевский

в Берлине, а затем с купюрами перепечатаны в СССР под редакцией П.Е. Щеголева³.

Но, как оказалось, это лишь часть мемуарного наследия генерала Марушевского. В Хорватском государственном архиве хранится рукопись генерала о его пребывании осенью 1917 г. на посту последнего начальника Генерального штаба, а также мемуары о периоде до Первой мировой войны. И хотя материалы архива Марушевского уже привлекали внимание исследователей⁴, неопубликованные воспоминания остаются неизвестными даже специалистам.

В.В. Марушевский был выходцем из потомственной дворянской семьи Санкт-Петербургской губернии. Он родился в Петергофе, окончил 6-ю Санкт-Петербургскую классическую гимназию (1893), Николаевское инженерное училище по 1-му разряду (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1902). Служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., где заслужил пять боевых орденов

³ *Марушевский В.В.* Белые в Архангельске. Л., 1930.

⁴ *Кузьмичева Л.В.* Неопубликованные воспоминания генерала В.В. Марушевского // Русская эмиграция на Балканах: Сб. науч. трудов. Скопье, 2021. С. 321–333. Также нами опубликован небольшой отрывок об увлечении будущего генерала оловянными солдатиками: *Ганин А.В.* «Я сам сделался оловянным солдатиком...» Детские воспоминания и взрослые размышления белого генерала Владимира Марушевского // Родина. 2024. № 2. С. 110–113.

и Золотое оружие с надписью «За храбрость». Позднее он участвовал в Первой мировой войне как начальник штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады, а затем — дивизии и командир 7-го Финляндского стрелкового полка. В годы войны он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и получил генеральский чин. В 1916 г. Марушевский был назначен командующим 3-й Особой пехотной бригадой, направленной во Францию. На новой должности он должен был проявить себя не только в качестве командира, но и в роли организатора (требовалось сформировать бригаду и перебросить ее во Францию), приобрести дипломатические и представительские навыки. В 1917 г. бригаду развернули в дивизию, но Марушевский затем был отозван из Франции и в августе того же года вернулся в Россию, где в сентябре 1917 г. занял пост начальника Генерального штаба. Именно этому периоду посвящены впервые публикуемые воспоминания.

Осенью 1917 г. обстановка в стране и армии менялась с калейдоскопической быстротой. Вскоре после большевистского переворота Марушевский попал под арест, а затем покинул Россию, перебравшись в Финляндию, только обретавшую свою независимость. Там он прожил до лета 1918 г., а затем уехал в Швецию. В ноябре по приглашению французского посла в России Ж. Нуланса генерал прибыл в Архангельск, где вступил во временное исполнение должности генерал-губернатора Северной области, а также стал командующим русскими войсками Северной области. В январе 1919 г. пост генерал-губернатора он передал приехавшему на Север генералу Е.К. Миллеру, а сам остался командующим и находился на этом посту до августа 1919 г. Затем он с особой миссией отправился в Скандинавские страны и навсегда покинул Россию. В эмиграции жил в Венгрии, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Умер в Загребе.

Мы не будем подробно останавливаться на биографии мемуариста, поскольку его жизненный путь в общих чертах уже реконструирован в других публикациях⁵, а сосредоточимся на обзоре воспоминаний генерала.

Воспоминания Марушевского в архив в 2002 г. передала вдова его сына, выдающийся хорватский искусствовед и историк культуры Ольга

---

⁵ Подробнее о службе В.В. Марушевского см.: Юшко В.Л. Генерал Марушевский — из Франции в Россию // Рейтар. 2003. № 2. С. 128—161; Ганин А.В. Последний начальник Генерального штаба старой России генерал В.В. Марушевский и его неизвестные воспоминания как исторический источник // XI Волконские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (в печати).

Марушевски-Танхофер (1922–2008)⁶. Следует отметить, что мемуаров генерала как целостного текста (исключая известную часть о белом Севере) нет. Речь идет, скорее, о неоконченных очерках, так и не превратившихся в цельный материал. Объясняется это тем, что мемуары писались урывками. Отдельные их фрагменты были подготовлены еще в 1920-е гг. К ним относятся воспоминания о Гражданской войне, а также тексты о дореволюционной жизни (после одного из них указаны место и дата написания — Белград, 17 сентября 1924 г., в другом указана дата — 29 июля 1924 г.). Следующую попытку написать воспоминания генерал предпринял в 1938 г., но закончить труд не удалось из-за Второй мировой войны. Наконец, вновь к рукописи Марушевский вернулся в ноябре 1947 г. Часть воспоминаний, касавшаяся деятельности на посту начальника Генштаба, была написана не ранее 1940-х гг., так как в ней упоминалось о похищении из Парижа генерала Е.К. Миллера «в тридцатых годах» (речь шла о событиях осени 1937 г.), а также об убийстве Л.Д. Троцкого в Мексике, произошедшем в августе 1940 г.

Марушевский кратко пояснил причину написания мемуаров: «Я стал теперь часто задумываться. Это — старость. Яркие образы пережитого прошлого подкрадываются незаметно, овладевают мыслью и летят чаще всего красивым хороводом, быстро сменяясь, унося меня самого в отдаленные эпохи невозвратимого былого, восстанавливая давно исчезнувших и близких и далеких лиц, событий и впечатлений»⁷. Генерал ностальгировал по молодости и дореволюционной жизни в России.

О своих воспоминаниях он писал: «Я довел очерки из пережитых мною годов до эпохи окончания мною Николаевского инженерного училища. Далее должны следовать годы моей службы в строю, академия, война 1904–1905 года, моя служба в штабе великого князя Николая, Великая война и... революция. Я уже перескочил один раз через цепь моих воспоминаний и написал книгу о белой борьбе на Севере России. Теперь хочу поторопиться и сделать еще один раз “передержку”, запечатлев пережитое мною в момент “Октябрьского переворота”. Может быть мои переживания в это уродливое время послужат уроком и откроют глаза приверженцам народоправства на “front populaire”⁸, на принципы “чистой демократии”... Видимо, пример Чехословакии еще не доста-

⁶ Подробнее см.: Кузьмичева Л.В. Неопубликованные воспоминания генерала В.В. Марушевского. С. 321–323.

⁷ Хорватский государственный архив (HDA). HR-HAD-810. К. 1.

⁸ Народный фронт (фр.).

точно убедителен, боюсь, что ближайший урок Испанской революции будет еще серьезнее. Может быть и к лучшему, а пока хочу рассказать без прикрас то, что видел и пережил в осенние месяцы 1917 года»⁹.

Воспоминания Марушевского проливают свет, пусть и ретроспективно, на мировоззрение генерала. Оно, во многом, типично для генштабиста старой армии. Лейтмотивом его являлось преклонение перед императором Николаем II и другими представителями дома Романовых. Темными силами генерал считал придворных интриганов и наивно рассуждал о бедном царе, опутанном камарильей. Любопытны рассуждения Марушевского о дворянстве. В 1916 г. генерал жаловался на то, что в некоторых частях его бригады, направлявшейся во Францию, не было ни одного потомственного дворянина. «Это мое заявление, сознаюсь, имеет несколько “феодалный” оттенок и не отвечает современным симпатиям к демократии. Хочу сказать, что я этими симпатиями не отличался никогда и с глубочайшим убеждением говорю, что лишь офицерский состав, воспитанный в духе рыцарских традиций, в духе полного самоотречения в исполнении своего долга, с понятиями о гордости и чести, усвоенными в семье с детских лет — лишь этот состав офицерского корпуса может иметь незыблемый авторитет у массы, лишь на нем может лежать опора в тяжелые боевые минуты»¹⁰.

Мемуарист был человеком религиозным. Например, обязательным ритуалом в каждый приезд в Москву для него было поклонение Иверской иконе Богородицы. В тексте заметны националистические настроения. Так, Марушевский считал евреев плохо пригодными к военной службе. Начальника штаба Петроградского военного округа генерала Я.Г. Багратуни именовал «армяшкой» или «армянчиком», делал акцент на еврейском происхождении Л.Д. Троцкого.

Монархист Марушевский искренне ненавидел революционеров, включая А.Ф. Керенского и Временное правительство, разрушившее армию. Резко он отзывался о военном министре А.И. Верховском, имевшем революционное прошлое. Большевиков расценивал как германских агентов, ссылаясь на то, что якобы располагал телеграммами, которыми петроградские большевики обменивались с Берлином.

Даже на склоне лет, несмотря на то, что подобные утверждения были опровергнуты ходом истории и далеки от действительности, генерал считал, что «“Интернационал”, доведенный в Москве до братства с дикими азиатскими народностями, быстро отодвинул Россию в эпоху

⁹ HDA. HR-HAD-810. К. 1.

¹⁰ Ibidem.

Иоанна Грозного со всеми методами наших старых царей в смысле “покорения под ножи врага и супостата”.

Экономические реформы, совершенные во имя живота рабочего и мужика — разогнали мозги государственного строительства и разрушили промышленность и хозяйство.

Предательский мир, во имя позорного отказа от самопожертвования за идею славянства — уничтожил историческую армию.

Все красочное, самобытное, яркое по своей чисто-русской окраске — потухло и тщательно заметается пылью и сором, чуждых нации ложных призывов к борьбе за непонятный международный пролетариат. Творчество, Богом данный талант, накопившаяся сила — тонет в грязи животных забот о сегодняшнем дне и не находит себе ни спроса, ни применения»¹¹. Далее генерал пытался обосновать ложный тезис о том, что революции не создают ничего в области культуры.

Воспоминания Марушевского о пребывании на посту начальника Генерального штаба невелики по объему, однако имеют большое значение для истории отечественного Генерального штаба и революционных событий осени 1917 г.

Находившийся во Франции Марушевский не имел полного представления о революционном развале в России. Столкновение с новыми реалиями оказалось болезненным. Генерала раздражали не желавшие воевать солдаты. Поражали и высокие назначения сравнительно молодых офицеров в возрасте примерно 40 лет — его товарищей по службе. Так, старый товарищ Марушевского генерал Ю.Д. Романовский стал начальником Генерального штаба (Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)), другой товарищ — полковник А.И. Андогский возглавил Военную академию, а Петроградским военным округом руководил генерал О.П. Васильковский (Марушевский называл его по старой памяти «Карлушка» — до 1910 г. Васильковский был Карлом Карловичем, но затем сменил немецкие имя и отчество, став Олегом Петровичем). Впрочем, вскоре крупный пост достался и самому Марушевскому.

Марушевский приехал в Выборг, где находилась его старая служебная квартира, но затем перебрался в санаторию в пригороде, а оттуда на дачу, что, возможно, спасло ему жизнь, так как вскоре по Выборгу прокатилась волна убийств офицеров¹².

¹¹ Ibidem.

¹² Подробнее см.: Ганин А.В. Выборгская крепость // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М., 2017. С. 218.

Как прибывший из Франции, Марушевский должен был явиться для доклада в ГУГШ и представиться начальнику Генштаба генералу Ю.Д. Романовскому. От Романовского он вышел с согласием на назначение помощником начальника военной миссии в Италии генерала Е.К. Миллера. Марушевский отмечал, что в то время уже начался отток офицеров за границу, поскольку оставаться в России становилось небезопасно. Однако сам он не стремился уезжать, а назначение в итоге не состоялось.

После неудачи корниловского выступления начались кадровые перестановки на руководящих постах в военном ведомстве. Марушевский хорошо знал нового военного министра А.И. Верховского, который при их встрече прямо на улице предложил Марушевскому занять пост начальника Генерального штаба. Интересно, что мемуарист критиковал Верховского, но утверждал, что в период назначения якобы не знал о его революционной деятельности (Марушевский упоминал об устроенном Верховским обыске у вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Крыму, что его как монархиста возмущало). Относительно дальнейших событий Марушевский считал, что Верховский вел двойную игру и был связан с большевиками, хотя это и не соответствует действительности¹³.

Пост начальника Генерального штаба в годы Первой мировой войны уже не имел того ключевого значения, как в мирное время, поскольку центр тяжести в управлении вооруженными силами России переместился в Ставку. Тем не менее приходилось курировать организацию и службу войск, разведку и контрразведку, цензуру, вопросы эвакуации, содержание военнопленных, решать задачи демобилизации, налаживать службу военных сообщений и т.д. Начальник Генштаба подчинялся военному министру и в революционных условиях должен был являться промежуточным звеном между Временным правительством и Ставкой, что не предвещало ничего хорошего.

Приказ о назначении Марушевского состоялся 12 сентября 1917 г. Ближайшим помощником нового начальника Генштаба стал генерал Н.М. Потапов. Марушевский отмечал, что не доверял ему, так как знал о его родственных связях с большевиками (по мнению Марушевского, большевиком был родной брат Потапова, но на самом деле видный

---

¹³ Подробнее о Верховском см.: *Полтораки С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014; *Сафронов Ю.И.* Дневник Верховского. М., 2014.

большевик М.С. Кедров был кузеном Потапова¹⁴). Фактическим вторым помощником Марушевского стал его друг полковник Н.А. Голеевский. Марушевский сработался с помощником 1-го обер-квартирмейстера (затем — 2-м обер-квартирмейстером) генералом П.Ф. Рябиковым и некоторыми другими офицерами. Ценным работником по военным сообщениям был генерал М.И. Пестржецкий. Сложно складывалось сотрудничество с полковником К.И. Жихором, заигрывавшим в революционном духе с писарями Генштаба. На случай непредвиденной необходимости Марушевский решил организовать под Петроградом, в Тихвине унтер-офицерскую школу, которая могла бы стать надежной воинской частью при Генштабе.

Многое в условиях революционного развала делалось по инерции или было невыполнимо. Работать приходилось с раннего утра и до глубокой ночи, практически без отдыха. По свидетельству Марушевского, один из его докладов военному министру как-то был назначен на 5.30 утра. Немало времени уходило на приемы различных просителей и доклады. В части, посвященной пребыванию на посту начальника Генерального штаба, Марушевский описывал свои встречи со многими видными деятелями осени 1917 г., включая М.В. Алексева, А.И. Верховского, И.Р. Довбор-Мусницкого, А.И. Дутова, Н.Н. Духонина, А.Ф. Керенского, Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойского и др. Лишь однажды на совещании Марушевский встретился с Керенским, причем посчитал эту встречу бессмысленной. Интересны свидетельства о генерале А.М. Крымове, с которым Марушевский прожил в одной палатке год в период Русско-японской войны. Кроме того, достаточно подробную характеристику Марушевский дал своему старому другу генералу С.И. Одинцову.

Проходили встречи и с иностранными военными и дипломатическими представителями (прежде всего, с французами и англичанами). В качестве курьеза Марушевский упомянул о завтраке с французскими военными представителями и генералом А.А. Нисселем. Там же присутствовал войсковой старшина А.И. Дутов — будущий атаман Оренбургского казачьего войска и один из лидеров Белого движения. По словам Марушевского, Дутов тогда выпил целую бутылку коньяку, чем испортил французам впечатление от встречи.

¹⁴ Письмо представителя семьи Потаповых профессора В.В. Плошкина автору от 26 октября 2012 г. (Архив автора). Также см.: *Островский А.В.* Генерал Н.М. Потапов и большевик М.С. Кедров (к вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде) // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. Сб. науч. статей. СПб., 2014. С. 68–76.

Революция привела к колоссальной дороговизне, а материальное положение начальника Генерального штаба оставляло желать лучшего. Так, Марушевский на новом посту не мог расстаться со своим выдавшим виды полушубком, чем приводил в ужас даже швейцара.

Помимо значимости должности начальника Генштаба самой по себе и осведомленности мемуариста, особую ценность воспоминаниям об осени 1917 г. придают сведения о происходившем на Дворцовой площади, поскольку на площадь и на Зимний дворец выходили окна квартиры генерала. Сложно сказать, появятся ли когда-либо еще равные по степени осведомленности автора свидетельства очевидцев событий вокруг Зимнего дворца в период большевистского переворота.

Марушевский отмечал, что по краям Дворцовая площадь и весь фасад Зимнего дворца были загромождены штабелями дров на зиму. Накануне большевистского переворота генерал наблюдал появление на площади женского ударного батальона. Дворцовый мост был разведен, чтобы изолировать район Зимнего дворца от окраин. По площади праздно шатался народ. Позднее начались захваты учреждений связи и военного ведомства. Марушевский отметил, что вечером была атака на Зимний дворец, оказавшаяся совсем не впечатляющей, было произведено несколько выстрелов с крейсера «Аврора», а к ночи все стихло. Затем начался грабеж Зимнего дворца, причем в последующие дни в Петрограде можно было за бесценок приобрести драгоценные вещи оттуда.

Мемуариста поразили визит к нему в один из октябрьских дней генерала М. В. Алексеева, делившегося проектами создания офицерских частей, а затем уехавшего из столицы. Марушевский утверждал, что встреча состоялась уже после захвата власти большевиками, но, возможно, это ошибка памяти.

Некоторое время после смены власти генерал оставался у себя на квартире, затем скрывался от возможной расправы в городе. Упоминал он и о восстании юнкеров в столице, о том, что на улицах шла стрельба. Уже в начале ноября Марушевский возобновил работу при новой власти. Временно управляющий Военным министерством генерал А. А. Маниковский договорился с большевиками о том, что министерство продолжит работать на условиях аполитичности. Оба генерала понимали, что такое условие соблюдения невозможно и речь идет лишь о выигрыше времени. Марушевский считал Маниковского умным, но нерешительным. Автор воспоминаний свидетельствовал, что в тот период занялся

переброской офицеров через Финляндию в Швецию. Таким путем удалось переправить несколько десятков человек.

Велись переговоры по прямому проводу со Ставкой в Могилеве, где во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего вступил генерал Н.Н. Духонин. Состоялось знакомство с комиссарами Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойским. На повестке дня был вопрос мирных переговоров с противником. Как раз по причине саботажа переговоров Марушевский был позднее арестован. Вызывает интерес упоминание мемуаристом предложения британского представителя генерала А. Нокса к Марушевскому осуществить за крупное вознаграждение убийство наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого, чтобы сорвать возможность мирных переговоров с Германией. Марушевский порекомендовал Ноксу для этой цели старого революционера, народовольца Н.А. Морозова, проведшего в местах лишения свободы около 30 лет.

В кратком обзоре жизни генерал упомянул оставшуюся в памяти мизансцену из революционного 1917 г.: «Последняя страница истории славы и побед захлопнулась. Начались компромиссы, попытки и скитания.

Грязная, оштукатуренная известкой комната в Смольном. Отталкивающая фигура Троцкого, пытавшаяся деловитым тоном запросить моих объяснений.

“Не будем играть словами. Я знаю, кто вы, а вы знаете, кто я», — был мой ответ”»¹⁵.

Утром 20 ноября 1917 г.¹⁶ Марушевский был арестован по предписанию Военно-революционного комитета при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Вместе с Марушевским арестовали временно управляющего Военным министерством генерала Маниковского. Причиной ареста были переговоры Марушевского по прямому проводу с временным Верховным главнокомандующим генералом Н.Н. Духониным в Ставке в Могилеве после отстранения того Советом народных комиссаров (СНК) от должности (хотя в действительности он продолжал исполнять обязанности с санкции СНК, а при переговорах присутствовал комиссар) и попытка срыва посылки делегации на мирные переговоры.

21 ноября СНК принял резолюцию Л.Д. Троцкого о контрреволюционных действиях генералов Маниковского и Марушевского, кото-

¹⁵ НДА. НР-НАД-810. К. 1.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232.

рые вызывали смуту в армии и раздражение революционных масс, вели к Гражданской войне и самосудам¹⁷. После арестов генералов управление военным ведомством перешло к коллегии народных комиссаров, а исполняющим обязанности начальника Генерального штаба и помощником управляющего Военным министерством стал лояльный большевикам генерал Н.М. Потапов.

Мемуары содержат прежде неизвестные подробности ареста и содержания Марушевского под стражей сначала в Смольном, а затем в тюрьме «Кресты». Генерал отмечал, что отношение к нему было совершенно корректным. 30 ноября арестованные генералы были освобождены, но следствие в их отношении прекратилось только 28 июля 1918 г.¹⁸

К сожалению, воспоминания обрываются, по сути, на полуслове — недописанным остался рассказ о пребывании мемуариста под арестом. Однако сохранился самостоятельный фрагмент об отъезде Марушевского в Финляндию в декабре 1917 г. под видом больного. Как вспоминал позднее генерал Потапов, Марушевский убедил его добиться у комиссара Н.И. Подвойского разрешения на двухмесячный отпуск в Финляндии для поправления здоровья после ареста, дав Потапову честное слово не оставаться там ни дня сверх срока и вернуться¹⁹. Тем не менее в Советскую Россию генерал не возвратился, а осенью 1918 г. занял руководящий пост в антибольшевистских силах на Севере России. В советской историографии этот сюжет преподносился как нарушение генералом «честного слова» не воевать против советской власти²⁰. Однако следует отметить, что имеющийся в следственном деле Марушевского документ о признании им власти СНК остался не подписанным²¹.

Поскольку мемуары писались генералом в преклонных годах, их автор нередко путался в определении возраста своих сослуживцев. Так, 48-летнего генерала М.И. Пестржецкого он отнес к «старикам», а 65-летнего генерала Ф.Ф. Палицына счел 86-летним, 60-летний генерал П.И. Постовский также был назван пожилым.

Нельзя не упомянуть и об умолчаниях мемуаров. Так, неясны характер взаимоотношений и связь автора с управляющим Военным мини-

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 41.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 229. Л. 1; Д. 232. Л. 1.

¹⁹ *Потапов Н.М.* Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 65.

²⁰ *Голиков Д.А.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 70.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 3.

стерством генералом Маниковским, хотя в ноябре 1917 г. они были вместе арестованы. В рукописи Марушевский даже пишет фамилию своего товарища с ошибкой — «Мониковский». Не говорится в воспоминаниях и об организационных изменениях в ГУГШ осенью 1917 г., когда отдел генерал-квартирмейстера был разделен на отделы 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров²².

Воспоминания публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Выражаю благодарность д.и.н. А.Ю. Тимофееву (Белград) за содействие.

В.В. Марушевский

Два месяца на посту начальника Генерального штаба (сентябрь — октябрь 1917 г.)

Записки генерал-лейтенанта
Владимира Владимировича Марушевского

Несколько строк в виде предисловия

Авторы так называемых «генеральских мемуаров» любят помещать свои портреты в заглавных страницах своих трудов. Мне как-то не хочется утруждать читателя рассматриванием моей физиономии, но все же я считаю необходимым сказать несколько слов о себе и моей службе России. Я далек от мысли говорить о моих заслугах, но я должен дать понятие о пройденном мною пути на службе родной русской армии, дабы читатель моих записок поверил моему опыту и отнесся с[о] снисхождением к моим выводам.

После окончания Академии Генерального штаба и отбытия строевого ценза я участвовал в войне 1904–1905 года в рядах 4-го Сибирского корпуса в Маньчжурии. Я был участником в боях под Дашичао²³, Хайче-

²² Подробнее см.: *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генерального штаба (август 1914 года — май 1918 года) // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 106.

²³ Сражение Русско-японской войны возле станции Дашичао 10–11 июля 1904 г., в ходе которого русские войска добились тактических успехов.

ном²⁴, Айсандзяном²⁵, в сражениях под Ляояном²⁶, на реке Шахэ²⁷ и под Мукденом²⁸.

По окончании военных действий я был переведен в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа и имел счастье быть сотрудником во всех реформах по обучению войск под руководством великого князя Николая Николаевича²⁹.

В декабре [19]13-го года я был назначен начальником штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады, с которой и выступил в поход в августе [19]14-го года. В этой же бригаде, развернутой в дивизию, я командовал 7-м Финляндским стрелковым полком до середины мая [19]16-го года, когда я был назначен начальником 3-й Особой бригады, отправляемой во Францию. На Французском фронте я участвовал в боях до весеннего наступления 1917 года включительно.

После событий в России я в августе 1917 года покинул Францию и в сентябре по прибытии в Россию был назначен начальником Генерального штаба. Цель настоящих записок — дать очерк положению, создавшемуся перед самым большевистским переворотом, и осветить некоторые подробности, еще неизвестные широкой публике.

Мой крестный путь на этом посту окончился тюрьмой и моей эмиграцией в Финляндию и Швецию.

Дальнейшие мои приключения описаны в книге «Год на Севере», опубликованной в журнале «Белое дело»³⁰.

²⁴ Сражение Русско-японской войны 17–18 июля 1904 г., завершившееся отступлением русских войск к Ляояну.

²⁵ Правильно — Айсандзяном. Сражение Русско-японской войны 11–15 августа 1904 г. возле станции Айсандзян — начальный этап Ляоянского сражения.

²⁶ Сражение Русско-японской войны возле города Ляоян 11–21 августа 1904 г., завершившееся отступлением русских войск.

²⁷ Сражение Русско-японской войны на реке Шахэ 22 сентября — 5 октября 1904 г., приведшее к стратегическому поражению русских войск и прекращению попыток помочь осажденному Порт-Артуру.

²⁸ Сражение Русско-японской войны возле города Мукден 6–25 февраля 1905 г., завершившееся победой японцев.

²⁹ Николай Николаевич младший (06.11.1856–05.01.1929) — великий князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914). Руководил реорганизацией военного управления в 1905 г.

³⁰ Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 21–61; Кн. 3. С. 15–52.

I. Париж — Лондон — Стокгольм — Выборг — Петроград

Русская революция застала меня на посту начальника 3-й Особой бригады на Французском фронте. Моя «французская эпопея» составит особую главу в моих записках, и потому в настоящих очерках я начинаю с отъезда моего из Парижа в день 5 августа 1917 года.

Я покинул Францию в сопровождении моей жены. Нелегко было решиться на этот шаг. Многие из моих сотрудников по работе в российских войсках во Франции предпочли остаться за границей и сразу перейти на роль эмигрантов. Мне в этот период казалось, что не все еще потеряно и что можно еще поработать на родную армию, хотя и расшатанную революцией.

Вся моя жизнь прошла в среде людей, преданных старому монархическому режиму, благоговейно почитающих царя, чтущих великое историческое прошлое... Передовые идеи, социальные вопросы, все так называемые «свободы» — все это почиталось в наших семьях крамолой и преступлением против данной царю присяги. Трудно передать словами глубину той драмы, которую пришлось всем нам старшим офицерам пережить и переболеть после отречения государя³¹. Что касается лично меня — передо мною разверзлась пропасть. Блестящая карьера была сломлена навсегда. Средств к жизни — никаких. Кроме чисто военной подготовки — никакой специальности. Вместе с тем в сорок лет нельзя отказаться от жизни, от мечтаний о новой работе, от новой цели существования. Я отдавал себе отчет, что я не приму революции также, как она не примет меня самого, но оставаться во Франции было невысказано. Русская форма встречалась с негодованием, в спину криками — «*traître*»³². Если нельзя было продолжать драться за Россию — надо было пробовать спасти честь эполет, честь армии. Короче говоря, я принял решение вернуться в Россию.

Все это привело к тому, что 5 августа я стоял на дебаркадере вокзала St. Lazare³³ и прощался с моей *belle-soeur*³⁴ Л.Л. Жигалиной, которая оставалась в Париже в качестве сестры милосердия в госпитале «Michelet». Дальше предстояло переправиться через Ла-Манш с риском быть потопленным немецкой подводной лодкой, переправляться через

³¹ Речь идет об отречении императора Николая II от престола 2 марта 1917 г.

³² Предатель (*фр.*).

³³ Вокзал Сен-Лазар в Париже, широко известный благодаря картинам художников-импрессионистов.

³⁴ Свояченицей, сестрой жены.

немецкое Северное море с большой вероятностью быть пущенным ко дну и, если Бог приведет — въехать в Россию через Гапаранду³⁵ на северном берегу Ботнического залива.

Я не буду описывать подробно все мои мытарства по разным комиссиям в Лондоне, где на меня смотрели уже не с точки зрения союзников великой России. Я уже был представителем ненужной и даже опасной англичанам страны — и потому подвергался всем формальностям тщательного контроля.

После короткого пребывания в Лондоне я прибыл в Абердин, где и погрузился на небольшой быстроходный пароход, переделанный из одного из судов минного флота. О быстроте переезда надо было думать, так как немецкие подводки³⁶ находились в периоде самой горячей деятельности и катастрофы на море были явлением обыденным и даже ежедневным.

В Абердине надо сидеть в скромном отеле и ждать «у моря погоды» — вернее, возможности совершить опасный рейс в Берген³⁷. Особая, не помню какая, комиссия должна была дать знать в отель час погрузки на судно, которое еще не прибыло в порт. Все это зависело от деятельности немецких подводных лодок в Северном море и телефонных осведомителей из Бергена. Надо прибавить, что в Бергене постоянно находилось несколько больших немецких судов, существовали немецкие конторы и, конечно, организованное наблюдение за всем тем, что приходило из Англии.

Неприветливо Северное море в августе.

Я помню день нашей погрузки. Серое небо, холодно, ветер, море в белых «барашках». В порту небольшое судно, приспособленное из старого миноносца. Даже в порту качка, что-то нас ожидает в море? Ко дню нашего отъезда в Абердин прибыл старый Федор Федорович Палицын³⁸, мой бывший начальник Генерального штаба и представитель государя при французской Главной квартире. Не стало государя

³⁵ Гапаранда — город в Швеции на берегу Ботнического залива напротив пограничного русского города Торнео.

³⁶ Так в документе. Подводные лодки.

³⁷ Берген — город в Норвегии, на берегу Северного моря.

³⁸ Федор Федорович Палицын (28.10.1851–20.02.1923) — генерал от инфантерии. Начальник Генерального штаба (1905–1908). В своих записках Палицын отмечал, что действительно ехал тогда из Франции в Россию. Он прибыл в Лондон 1 августа 1917 г. по новому стилю, а выехал оттуда 8 августа, прибыв в Стокгольм через 12 дней (Палицын Ф.Ф. Записки. Франция (1916–1921). М., 2014. Т. 2. С. 66–67).

Генерал Ф.Ф. Палицын

в России, и восьмидесятилетнему³⁹ Палицыну нечего уже было делать во Франции. Много, много воспоминаний соединяло меня с Федором Федоровичем, но об этом поговорю несколько позже.

Так или иначе, но часов около шести утра неприветливого дня десятых чисел августа мы взошли на борт нашего quasi⁴⁰-миноносца и стали выходить в море. Я поместил жену в каюту, а сам поднялся на корму. Я обожаю море, не раз делал длинные переходы и потому беспокоился только за жену.

На этот раз меня ожидали сюрпризы.

Прежде всего, при выходе из порта нам встретилась какая-то лодка с людьми, уцелевшими от только что потопленного судна. Нечего и говорить, что встреча не была из особо ободряющих перед опасным переходом. Далее мы вышли на простор. Ветер свищет, волны уже идут целыми горами. Корма то проваливается в пропасть, то вздымается на дыбы. Нечто подобное я испытал уже раз в лазурных водах Неаполитанского залива, но там было все же легче. На этот раз я почувствовал, что надо покориться необходимости и пробраться в каюту, чтобы уже там пройти через все стадии морской болезни.

Каюту была, слава Богу, обширная и снабженная всем необходимым на случай неизбежных страданий пассажиров. Вот этими страданиями мне и пришлось заняться в течение целого дня, помогая моей бедной жене, которая, кстати сказать, ненавидит море, и борясь всеми сила-

³⁹ На самом деле в описываемый мемуаристом период Ф.Ф. Палицыну было 65 лет.

⁴⁰ Квази, псевдо.

ми с самим собою, хотя, должен признаться, борьба моя не увенчалась успехом.

Днем мы встретили еще каких-то жертв немецких торпед, но состояние всех нас было таково, что даже катастрофы нас не интересовали. Полное безразличие и тупая покорность судьбе.

В седьмом часу вечера мы уже прибыли к берегу Норвегии и пошли островами. Качка немедленно утихла, ветер упал, и измученные пассажиры как тени стали выползать на палубу. Английские «purse»⁴¹ разносили коньяк и бисквиты, мы все лежали в шезлонгах и испытывали невыразимое наслаждение отдыха. Морская болезнь проходит мгновенно. Остается лишь слабость и большой устаток.

Ночь прошла совершенно спокойно и утром, выйдя на палубу, я имел удовольствие видеть и Ф.Ф. Палицына. Слабым голосом он осведомился о моем состоянии и прибавил: «А я все — с кровью, с кровью». Еще бы.

— Девятый десяток⁴² — и такое испытание...

Ранним солнечным утром — мы высадились в Бергене. Моя бедная жена в изнеможении лежала на какой-то скамейке на пристани. Нелегко достался ей этот памятный переход. Я бросился искать коньяк чтобы подбодрить ее. Сухой режим! Во всем городе — нигде!

Город незадолго перед этим был опустошен пожаром. Почти все отели сторели. С большим трудом я нашел комнату, где мы все-таки отдохнули и выспались.

На следующий день предстоял переезд в Христианию (по нынешнему — Осло) и далее в Стокгольм.

Мне хочется как можно скорее приблизиться в моих писаниях к периоду моего пребывания в Главном управлении Генерального штаба, и потому я не буду останавливаться на деталях этого путешествия. Поехали мы в хорошем вагоне, и этот переезд совершили в нормальных условиях, и потому он лишен особого интереса. Несколько слов о шести днях, проведенных в Стокгольме.

Я Стокгольм знал и раньше и всегда восторгался его красотой и поразительным благоустройством. И на этот раз, несмотря на русскую революцию, несмотря на Европейскую войну... Стокгольм был так же обаятельно-красив в своем осеннем уборе, и жизнь в городе

⁴¹ Дословно — няня (англ.). По-видимому, речь об официантках.

⁴² Как уже отмечалось, мемуарист ошибается. Ф.Ф. Палицын был значительно моложе.

текла своим установленным чередом. Я провел мои шесть дней в отличном Штранд-Отеле, в прекрасной комнате, с отличным персоналом. Я задержался в Стокгольме умышленно. Я думал найти там полную осведомленность о событиях в России, куда мне не хотелось въезжать с закрытыми глазами.

Я познакомился с нашим посланником К.Н. Гулькевичем⁴³ и встретил там моего младшего товарища по Генеральному штабу Д.Л. Кандаурова⁴⁴, бывшего в это время военным агентом в Швеции при нашем посольстве. Сведения о России, которых я так искал, были у этих лиц весьма туманные.

Сколько я помню — мне так и не удалось создать себе ясный отчет в процессе бушевавшей в России революции, и мне суждено было переехать русскую границу все тем же новичком в революционной борьбе, каким я выехал из Франции.

Не могу не вспомнить, что в одном поезде со мною возвращался в Россию какой-то украинский деятель в сопровождении дамы с баронским титулом. Дама эта определенно производила впечатление шпионки, «украинец» — немецкого агента (кем он и оказался впоследствии). Забавнее всего было то, что на вокзал приехал проводить их один из секретарей русского посольства. Все это было выше моего понимания, и, повторяю, я привез на нашу пограничную станцию в Гапаранде все те же принципы о ненарушимости присяги, данной царю, те же понятия об офицерской чести и об обязательствах и чистоте эполет, которые я носил больше двадцати лет.

Уже на станции Гапаранда дыхание революции было заметно во всех проявлениях жизни. В канцелярии военного контроля паспортов солдаты и писаря имели недопустимо неряшливый вид, господа офицеры, главным образом из прапорщиков, отличались свободой обращения. Я был в статском и в первые минуты не обращал внимания на эту распущенность, но вольность в разговорах, увы!, не изменилась и по просмотре моего паспорта, где был указан мой чин и мое служебное положение. Со мною была переданная мне дипломатическая вализа⁴⁵ для нашего Министерства иностранных дел. Достаточно сказать, что вся эта разнузданная солдатня покушалась распечатать эту вализу.

⁴³ Константин Николаевич Гулькевич (18.03.1865–25/26.06.1935) — российский дипломат. Посол в Швеции.

⁴⁴ Дмитрий Леонтьевич Кандауров (19.08.1880–15.03.1945) — полковник. Военный агент в Швеции.

⁴⁵ Здесь и далее — чемодан.

Единственное благоприятное впечатление я вынес о поручике Кузике, с которым год спустя мне пришлось встретиться в Стокгольме. Он и в Гапаранде был тем корректным и воспитанным офицером, каким и должен быть представитель старой армии.

Из Гапаранды я дал телеграмму коменданту Выборгской крепости и моему старому товарищу. Я предупреждал его о своем приезде и желании остановиться в Выборге, где у меня была отличная квартира по должности командира одного из полков гарнизона. Я был еще настолько проникнут «старым режимом», что даже просил выслать экипаж к прибытию поезда. Пишу об этой мелочи, чтобы точно обрисовать психологию старого офицера, перешагнувшего порог новой России.

Уже в дороге я начал, так сказать, «понимать». Передо мною мелькали вокзалы, забитые солдатами в расстегнутых шинелях, смятых фуражках. Толпы этих лодырей толкались на дебаркадерах, лушили подсолнухи и ровно ничего не делали. Нет-нет промелькнет растерянный офицер. Об отдании чести нет и речи!

В поезде в вагоне-ресторане тоже полная свобода обращения. Лакеи не служат никак, цены астрономические. Мне помнится, что коробка сардинок стоила семь рублей, то есть стоимость отличных высоких сапог по ценам еще прошлого года. Так называемые «завоевания революции» уже давали себя чувствовать.

Приехал я в свой родной, можно сказать, Выборг днем, вышел из поезда на великолепный Выборгский вокзал, блиставший всегда чистотой и роскошью. Никто меня не встретил, всюду грязь, носильщиков не дозваться. Решаю сразу остановиться в гостинице «Антреа», рядом с крепостью и квартирой коменданта генерала Ф.В. Степанова⁴⁶, моего старого товарища еще по академии, добрейшего, честнейшего офицера, носившего орден Св. Георгия, полученный⁴⁷ за Порт-Артур.

Комнату в гостинице, слава Богу, нашел и сейчас же отправился к Степанову, семью которого мы с женой близко знали еще с тринадцатого года.

Несколько часов, проведенных у Степанова, дали мне возможность ощутить весь, скажу, ужас, создавшегося для нас военных, положения. Гарнизон Выборга представлял толпу взбунтовавшихся солдат, проводивших время на политических митингах. На эти митинги приезжали какие-то подозрительные люди в кожаных куртках и разжигали озве-

⁴⁶ Федор Васильевич Степанов (13.05.1871–29.08.1917) — генерал-майор. Однокашник В.В. Марушевского по выпуску из Николаевской академии Генерального штаба в 1902 г. Комендант Выборгской крепости (1917). Убит солдатами.

⁴⁷ В документе несогласованно — полученного.

Генерал С.И. Одинцов

ревших солдат совершенно недопустимыми речами. Офицерство, увы!, притихло. Да и что могло сделать это несчастное офицерство, когда разврат и падение дисциплины поощрялось с высоты авторитета Временного правительства. Видно было, что мой старый друг генерал Степанов ходит по самому краю пропасти. Несчастливая жена его на коленях умоляла этого человека-долга бросить все и уехать. Герой Артура⁴⁸ полагал, что он должен был оставаться на своем посту до конца. Ах! Как близко был в тот момент этот конец! Как можно было угадать, что через несколько дней Степанов умрет страшной смертью на мосту в сотне шагов от своей квартиры и на глазах своей несчастной жены.

Моей соседкой по номеру в гостинице оказалась жена тоже моего старого друга Сергея Ивановича Одинцова⁴⁹, вернее, «Сережи», как все мы его звали в академии и на маньчжурских полях в 1904 году. Я узнал Елизавету Александровну по голосу. Она все еще была той высокой красавицей, которой я ее знал в их гостиной, и в Биаррице, и в Красном Селе, только она уже не была Одинцовой, а избрала себе другого «повелителя» в лице Кости Скуратова⁵⁰, хорошо известного во всех гвардейских кру-

⁴⁸ Т.е. Порт-Артура. Ф.В. Степанов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за отличия при отбитии штурмов Порт-Артура в октябре и с 7 по 19 ноября 1904 г.

⁴⁹ *Сергей Иванович Одинцов* (02.07.1874—08.09.1920) — генерал-майор. Однокашник В.В. Марушевского по выпуску из Николаевской академии Генерального штаба в 1902 г. В 1917 г. один из первых генералов, ставших сотрудничать с большевиками.

⁵⁰ *Константин Николаевич Скуратов* (02.11.1874—16.02.1948) — полковник. Офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Командир 14-го уланского Ямбургского полка (1917).

гах. Костя в Выборге командовал Ямбургским уланским полком и тоже едва не сложил свою буйную головушку в эти мрачные августовские дни.

Одинцов был одним из наиболее богатых в нашей среде; Елизавета Александровна подарила ему двух великолепных мальчишек. Отчего они разошлись? Куда девались эти дети? Я невольно думал тогда, что и в разрушении этой семьи — сказалось гибельное влияние революции.

Пока что я переоделся в генеральское пальто с красными отворотами и ходил по Выборгу, стараясь не обращать внимания на расхлестнутую солдатню, попадавшуюся на каждом шагу.

После короткой передышки в моей старой гарнизонной стоянке надо было ехать в Петроград и являться по начальству. Какому начальству — мне не было ясно. Покинув Французский фронт, я вероятно должен был явиться в распоряжение начальника Генерального штаба; туда я и решил явиться. Сколько помню, я опасался везти мою жену с собою и поехал в «красный Петроград» один.

До войны сообщение Выборг — Петроград было удобное и не утомительное. Помню, что в бытность мою еще начальником штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады я раз-два в неделю ездил читать мои лекции в академии⁵¹ и в одном из военных училищ.

Вставать приходилось раненько, но в Петроград приезжал к восьми часам утра и, отчитав свои лекции, уже около часу дня был дома в Выборге. Возвращение было отдыхом. Я садился прямо в прекрасно устроенный вагон-ресторан, завтракал, читал «Новое время» и совершенно незаметно приезжал в Выборг. Зимы в Финляндии мягкие, солнечные. Так было приятно, покинув туманный, холодный Петербург⁵² — незаметно перенестись снова в царство сосновых лесов под сводом ясного синего неба.

В этот мой приезд отличные финляндские железные дороги еще работали без отказа, и потому до Финляндского вокзала в Петербурге я добрался без особенных приключений, но уже на самом вокзале начались испытания. Со мною были тяжелые вализы, которые надо было сдать в Министерстве иностранных дел у Певческого моста. Перевезти эти вализы на извозчике было немыслимо. Автомобилей уже не было. Подводы требовали какие-то астрономические суммы. На вокзале толпа разнuzданных солдат. Прежнего жандармского надзора уже не существовало. После достаточно долгих исканий я все же нашел какого-то военного

⁵¹ Имеется в виду Императорская Николаевская военная академия.

⁵² Здесь и далее применительно к событиям 1917 г. правильно — Петроград.

представителя, которому можно было оставить вализы без особого опасения потерять их. В министерстве пришлось спорить. Меня уверяли, что эти вализы я должен доставить сам. После довольно оживленных прений и моих «крепких» суждений о порядках дипломатических сношений — я победителем вышел на Дворцовую площадь и направился в правую половину того же огромного здания, разделенного величественной аркой Главного штаба.

Бедная моя Дворцовая площадь! Лучшие годы моей жизни прошли на этом просторе старого Петербурга, ограниченного Зимним дворцом, петровским Адмиралтейством, зданиями Главного управления Генерального штаба и Министерства иностранных дел, разделенными аркой Главного штаба и штабом войск гвардии и Петербургского военного округа. На эту площадь выходили окна моей старой квартиры. Я видел справа расстрелиевский⁵³ фасад Зимнего дворца, далее зеленеющие сады и золотой шпиль Адмиралтейства, слева красноватые громады зданий Генерального штаба с аркой, на которой высилась бронзовая триумфальная колесница. Перед моими окнами высилась историческая «Александровская» колонна и на фоне неба рисовались грандиозные и вместе с тем художественно-красивые формы Исаакиевского собора с его золотым куполом, лишь немного уступающим по величине куполу собора Св. Петра в Риме. Я не ошибусь, если скажу, что площадь была самой красивой частью старого Петербурга, уже теперь отошедшего в небытие.

На этой площади началась и на ней же, как мы увидим позже, кончилась моя, позволяю себе сказать, блестящая карьера, отсюда я ехал венчаться и уезжал в свадебную поездку с моей женой. Отсюда же меня увезли в морозную ноябрьскую ночь какие-то подозрительные люди, как арестанта в Смольный институт, превращенный в центр новой, тогда еще непонятной, революционной власти.

В эти дни августа 1917 года моя родная площадь была неузнаваемой. По своим краям и вдоль всего фасада Зимнего дворца она была загромождена высокими штабелями дров, заготовленных на зиму. Сквозь торцы деревянной мостовой и сквозь булыжники по местам, заложенным камнем, пробивалась зеленая травка. С художественной ограды дворцового сада были выдраны все золоченые бронзовые части — эмблемы императорского режима. Тротуары в грязи и в шелухе от подсолнечников. Отчего, казалось бы, каждая революция должна быть, прежде всего, гряз-

⁵³ *Бартоломео Растрелли* (1700–29.04.1771) — архитектор итальянского происхождения. Создатель проекта Зимнего дворца.

ной? Это явление может быть проистекает совершенно логически из самых событий, то есть от недостатка низшего персонала и нежелания этого персонала работать, но мозг человека умирающего или умершего режима не может не видеть в этой грязи лица той черни, которая дорвалась до власти и опрокинула не только недостатки ушедшего порядка управления страны, но и разрушила до основания все культурные ценности и заплевала даже свое историческое прошлое.

Вспоминая свои переживания этих дней, я невольно думаю, что эта грязь, неряшество, нежелание работать, бесконечная болтовня — все это невольно клонило меня в сторону оппозиции той группе людей, которых я считал виновными в ужасе настоящего положения.

С этими чувствами я переступил порог Главного управления Генерального штаба, чтобы явиться уже новому начальнику Генерального штаба.

Я хочу сказать два слова об этом посту, но предварительно, что я далек от задач исторического труда и хотел бы лишь передать то, что я видел своими глазами, встречаясь с людьми, жизнь и деятельность которых принадлежит к истории этих бурных дней русского прошлого.

Пост начальника Генерального штаба в августе 1917 года занимал генерал Юрий Дмитриевич Романовский⁵⁴. Старый друг! Помню его камер-пажем⁵⁵ в Павловске, весьма часто около белокурой красавицы Александры Ивановны Горячевой, столь известной в полусвете; после корнет Л[ейб-]гв[ардии] Уланского Ее Величества полка. Еще позднее наша общая скамья в Академии Генерального штаба, а в 1904 году квартира моего отца, где Юрочка узнал от меня свое назначение в Порт-Артур и упал на колени перед киотом в нашей столовой, чтобы поблагодарить господина за это счастье, как ему казалось. Георгиевский крест за Порт-Артур⁵⁶, после не помню, где-то в штабах, еще после генералквартирмейстер в 7-й армии, где я видел его за время моего командования полком. И вот — начальник Генерального штаба.

Русская армия учредила пост начальника Генерального штаба в эпоху Японской войны⁵⁷ и первым начальником Генерального штаба был

⁵⁴ *Георгий (Юрий) Дмитриевич Романовский* (13.12.1877 — не ранее 1933) — генерал-лейтенант. Однокашник В.В. Марушевского по выпуску из Николаевской академии Генерального штаба в 1902 г. Начальник Генерального штаба (1917).

⁵⁵ Г.Д. Романовский окончил Пажеский корпус в 1896 г.

⁵⁶ Г.Д. Романовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за отличие при обороне Порт-Артура в августе—октябре и с 7 по 19 ноября 1904 г.

⁵⁷ Речь идет о создании 20 июня 1905 г. в России Главного управления Генерального штаба.

Генерал Г.Д. Романовский

Федор Федорович Палицын⁵⁸, о котором я упоминал в начале этой главы, затем были генерал Жилинский⁵⁹, которого сменил генерал Гернгросс⁶⁰, ушедший по болезни. За Гернгроссом последовал Янушкевич⁶¹ — будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем был Беляев⁶², мало кому известный и вот после революции Романовский⁶³. Еще во Франции я узнал о его назначении, которого по молодости Романов-

⁵⁸ Генерал Ф.Ф. Палицын занимал пост начальника Генерального штаба в 1905—1908 гг.

⁵⁹ В.В. Марушевский неточен. После Ф.Ф. Палицына посты начальника Генерального штаба занимали генералы В.А. Сухомлинов, А.З. Мышлаевский, Е.А. Гернгросс. Я.Г. Жилинский занял этот пост в 1911 г. *Яков Григорьевич Жилинский* (15.03.1853—1918) — генерал от кавалерии. Жилинский занимал пост начальника Генерального штаба в 1911—1914 гг.

⁶⁰ На самом деле наоборот — Я.Г. Жилинский сменил Е.А. Гернгросса. *Евгений Александрович Гернгросс* (10.02.1855—04.05.1912) — генерал-лейтенант. Начальник Генерального штаба (1909—1911).

⁶¹ В.В. Марушевский вновь ошибается. Е.А. Гернгросса сменил Я.Г. Жилинский, которому на смену пришел Н.Н. Янушкевич. *Николай Николаевич Янушкевич* (01.05.1868—02.1918) — генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от инфантерии). Должность начальника Генерального штаба Янушкевич занимал с марта 1914 г. до начала Первой мировой войны, когда занял пост начальника штаба Верховного главнокомандующего.

⁶² *Михаил Алексеевич Беляев* (23.12.1863—09.1918) — генерал от инфантерии. Исполнял должность начальника Генерального штаба в 1914—1916 гг.

⁶³ После М.А. Беляева начальником Генерального штаба в 1916—1917 гг. являлся генерал-лейтенант П.И. Аверьянов, которого в мае 1917 г. сменил генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант) Г.Д. Романовский.

ского объяснить себе не мог. Поговаривали о каком-то тайном обществе офицеров в предреволюционную эпоху⁶⁴. Называли имена Крымова⁶⁵, Энгельгардта⁶⁶, знаменитого Гучкова⁶⁷... Не выходя из строевой среды за все время войны, я не был в курсе политических интриг и потому назначение Романовского не могу объяснить себе и по сей день.

Встретились мы, конечно, как старые товарищи.

После долгого разговора с Юрием Дмитриевичем я несколько осознал всю драму, весь ужас, сказал бы я, создавшегося для нас — военных — положения. Вся надежда была на генерала Корнилова⁶⁸, только что вступившего на пост Верховного главнокомандующего. Я лично Корнилова не знал, но был хорошо осведомлен о его подвигах еще на полях Маньчжурии, о его плене и бегстве из плена в эту войну⁶⁹. Помнится, в эти дни Корнилов прибыл на совещание в Москву⁷⁰, и уже одно лишь появление его в революционной Москве произвело впечатление холодного душа на развращенные войска гарнизона. Говорили, что и в Петрограде солдатня присмирела, отдельные люди лучше одеты, началось даже кое-где отдавание чести.

В общем Романовский смотрел безнадежно на продолжение войны и посоветовал мне принять назначение помощником начальника военной миссии в Италии.

Начальником этой миссии был уже назначен генерал Е.К. Миллер⁷¹, уже отбывший на этот пост и находящийся в пути. Я знал генерала Миллера еще в бытность его начальником Николаевского кавалерийского училища⁷². Был он затем начальником штаба Московского воен-

⁶⁴ Речь идет об офицерах из окружения видного политического деятеля того времени А.И. Гучкова, контактировавшего с генштабистами еще до революции.

⁶⁵ Александр Михайлович Крымов (23.10.1871—31.08.1917) — генерал-лейтенант. И.д. командира III кавалерийского корпуса.

⁶⁶ Борис Александрович Энгельгардт (07.07.1877—02.09.1962) — полковник (впоследствии — генерал-майор).

⁶⁷ Александр Иванович Гучков (14.10.1862—14.02.1936) — политический деятель. Военный и морской министр Временного правительства (март — май 1917).

⁶⁸ Лавр Георгиевич Корнилов (18.08.1870—13.04.1918) — генерал от инфантерии. Верховный главнокомандующий (с 18.07.1917).

⁶⁹ Л.Г. Корнилов попал в австро-венгерский плен в апреле 1915 г., откуда бежал в июле 1916 г.

⁷⁰ Речь идет о Государственном совещании в Москве 12–15 августа 1917 г., в ходе которого обсуждались вопросы дальнейшего развития страны.

⁷¹ Евгений Людвиг Карлович Миллер (25.09.1867—11.05.1939) — генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от кавалерии). Военный агент в Италии.

⁷² Николаевским кавалерийским училищем Е.К. Миллер руководил в 1910–1912 гг., будучи генерал-майором.

Генерал Е.К. Миллер

ного округа⁷³ у Плеве⁷⁴, у Плеве же был начальником штаба главнокомандующего Северным фронтом⁷⁵, командовал одним из корпусов на румынской границе и там был ранен в голову озверевшими солдатами на одном из митингов⁷⁶. Сколько я знал, Е.К. Миллер был добрейший

⁷³ Пост начальника штаба Московского военного округа Е.К. Миллер занимал в 1912—1914 гг., а на фронт Первой мировой войны отправился начальником штаба 5-й армии, развернутого на базе штаба округа.

⁷⁴ Павел Адамович Плеве (30.05.1850—28.03.1916) — генерал от кавалерии, командующий войсками Московского военного округа (1909—1914). Командующий 5-й армией (1914—1915).

⁷⁵ Е.К. Миллер не был начальником штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Эту должность при П.А. Плеве занимал генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич. Плеве был главнокомандующим армиями Северного фронта в декабре 1915 г. — феврале 1916 г. Он был освобожден от командования фронтом по состоянию здоровья и вскоре умер.

⁷⁶ Е.К. Миллер командовал XXVI армейским корпусом. 7 апреля 1917 г. солдаты по полнения отказались подчиняться генералу. Они окружили Миллера, начали угрожать ему, ругались, сорвали шашку, погоны (как с пальто, так и с кителя) и поволокли генерала вдоль строя. Из толпы солдат помимо ругательств выкрикивались призывы поднять Миллера на штыки, крики «изменник, немец», «довольно нашу кровь пить», «приятель Николки», «сторонник старого режима», «ты нам все про работу говорил, а про свободу ничего не говорил». Озлобление толпы росло, генерала стали избивать, били по голове и по спине, в том числе его же шашкой в ножах, разбили голову, толкнули в грязь, сорвали фуражку, разорвали пальто и едва не убили. Окровавленного генерала в разорванном пальто арестовали на гауптвахте. Арест был «узаконен» корпусным съездом (до революции правом ареста генералов обладал лишь император, а после — военный министр), а позднее санкционирован

Генерал Н.М. Потапов (крайний справа) с братьями

и честнейший человек, бывший лейб-гусар, принадлежавший к лучшим слоям так называемого «общества».

Уже всем известен конец Евгения Карловича, возглавившего в тридцатых годах Союз русских офицеров в Париже⁷⁷, его исчезновение в непонятных условиях и, вернее всего, смерть, в чем до последнего времени сомневался его собственный сын⁷⁸.

Так или иначе — я принял предложение моего друга и начальника. Предстояло лишь оформить это назначение и получить согласие итальянцев («аgгèment»), что конечно не могло представлять никаких затруднений.

Выйдя из кабинета начальника Генерального штаба, я познакомился с его помощником генералом Потаповым⁷⁹ и начальником отделения по назначениям за границу полковником Жихором⁸⁰.

военным министром А.И. Гучковым. Генерал был отрешен от командования и три недели провел под арестом, включая четыре дня ареста на солдатской гауптвахте. Подробнее см.: Ганин А.В. Как становятся антибольшевиками? Генерал Е.К. Миллер и революционная армия в 1917 году // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 121–132.

⁷⁷ Русский общевоинский союз.

⁷⁸ Генерал Е.К. Миллер 22 сентября 1937 г. был похищен в Париже сотрудниками ОГПУ и вывезен в СССР, где впоследствии расстрелян.

⁷⁹ Николай Михайлович Потапов (02.03.1871–25.02.1946) — генерал-лейтенант. Генерал-квартирмейстер ГУГШ.

⁸⁰ Константин Иванович Жихор (20.05.1882–29.09.1938) — полковник. Делопроизводитель ГУГШ.

К.И. Жихор. Архив Ф.А. Гуцина. В оригинальном качестве публикуется впервые

Мне сразу показалось, что оба они совсем не «радостно» приняли известие о моем назначении. Тут вероятно были другие расчеты, которые были нарушены моим приездом и моими отношениями с их прямым начальством. Надо сказать, что в этот период начался уже «исход» офицерства за границу. По понятным причинам положение офицера сделалось не только невыносимым, но и опасным для жизни, так как так называемые «эксцессы», то есть убийства, происходили каждый день. Отъезд за границу был спасением. Я не скажу, что я, так сказать, ухватился за назначение, предложенное мне Романовским. Мне все еще казалось, что можно что-то сделать для армии. С другой стороны, только что вернувшись из Франции, я ясно понимал, что и за границей уже нельзя работать, нельзя оградить себя от унижительных выступлений, от грязи и сплетен старой эмигрантской среды, гнездившейся во всех городах Европы.

Здесь же я встретился с моим товарищем по штабу войск гвардии полковником Андогским⁸¹. Отличный офицер, он был много моложе меня самого в Генеральном штабе. К моему вящему удивлению он заявил, что он начальник Академии Генерального штаба⁸². Отдавая долж-

⁸¹ Александр Иванович Андогский (25.07.1876–25.02.1931) — полковник (впоследствии — генерал-майор). Начальник Военной академии. В штабе войск гвардии и Петербургского военного округа А.И. Андогский служил в 1907–1911 гг.

⁸² А.И. Андогский был назначен начальником Военной академии с 8 августа 1917 г. после голосования офицеров Генерального штаба, проходившего в июле. По итогам голосования наибольшее число голосов набрал генерал Н.Н. Головин, а Андогский

ное способностям Андогского, я невольно подумал о моих старых заслуженных профессорах академии, сделавшихся подчиненными этого молодого человека⁸³. Завоевания революции открывались моим глазам с каждой минуты. Еще, слава Богу, — подумал я, — что это был Андогский, а не какой-нибудь писарь из той же академии.

Тут же я узнал, что я нахожусь в распоряжении командующего войсками Петербургского⁸⁴ военного округа и что надо оформить мое отчисление от округа и перечисление в Главное управление Генерального штаба.

Выйдя из Главного управления, я направился в штаб округа. Это тут же на площади, в столь близком мне по воспоминаниям громадном каменном корпусе между Певческим мостом и Зимним дворцом.

Вхожу в подъезд. Невольно вспоминаю фигуру нашего старого швейцара Савельича, знавшего весь генералитет и не раз говорившего с государем Александром II, иногда гулявшим пешком со своею собакой. Савельич умер незадолго до войны. Его заменил новый старик из унтеров, которого я тоже знал. Раздевая меня, он сообщил мне, что командующий войсками какой-то Кузьмин, которого швейцар называл «каторжником»⁸⁵, что его сейчас заменяет генерал Васильковский⁸⁶. Какой Васильковский? Неужели «Карлушка»?⁸⁷ Все это какой-то кошмар. Поднимаюсь по столь знакомой лестнице, вхожу в приемную, увешанную портретами бывших командующих войсками и их начальников штабов. Тут и незабвенный великий князь Николай Николаевич стар-

был вторым. Решение о назначении Андогского было принято лично министром-председателем Временного правительства А.Ф. Керенским. Подробнее см.: Ганин А.В. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74; *его же*. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 76–103.

⁸³ А.И. Андогскому в то время был 41 год, он был лишь на два года моложе Марушевского и на три выпуска младше по академии. В то же время некоторые заслуженные профессора академии были уже немолодыми людьми и вряд ли могли возглавлять такое учреждение в сложное время.

⁸⁴ Правильно — Петроградского.

⁸⁵ Андрей Илларионович Кузьмин (1880–1920) — революционер. Будучи прапорщиком, играл видную роль в истории Красноярской республики в декабре 1905 г. Затем эмигрировал во Францию. В 1912 г. вернулся в Россию. Приговорен к каторжным работам. Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа по вопросам пропаганды (1917). Произведен в капитаны. Исполнял обязанности главнокомандующего войсками округа.

⁸⁶ Олег Петрович (Карл Карлович) Васильковский (28.10.1879–12.06.1944) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа (19.07–27.08.1917).

⁸⁷ В 1910 г. Васильковский сменил имя Карл Карлович на Олег Петрович.

Генерал О.П. Васильковский

ший⁸⁸, и великий князь Владимир⁸⁹, и все эти старики генерал-адъютанты и незабвенный Васмунд⁹⁰...

В приемной толпа народа и главное — солдат. Все это спорит, кричит, шумит. Иду далее в большой зал, где я столько лет работал, будучи штаб-офицером для поручений и старшим адъютантом. И там толпа, шум и грязь. По дороге узнаю, что в штабе состоялись выборы офицеров. Из старых настоящих работников не осталось никого. Особенно характерно то, что всеми писарями было «выражено доверие» штабс-ротмистру Телесницкому⁹¹ и поручику Крыжановскому. Боже мой! Телесницкий! До завтрака еще, туда-сюда, годен на какую-нибудь ничтожную работу, после завтрака — сонная рожа и состояние полу-вменяемости. Крыжановский! Безнадёжно глуп, и — вредно глуп. Я имел несчастье иметь его своим подчиненным. Вечные истории, бестактные выходы... и самое

⁸⁸ Николай Николаевич старший (27.07.1831–13.04.1891) — великий князь, сын императора Николая I. Генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1867–1880).

⁸⁹ Владимир Александрович (10.04.1847–04.02.1909) — великий князь, сын императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

⁹⁰ Правильно — Васмунд. Георгий Робертович Васмунд (25.12.1840–30.05.1904) — генерал-лейтенант. Начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1898–1904).

⁹¹ Возможно, Алексей Григорьевич Телесницкий — офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

главное — какая-то «махровая» глупость. Да! Может быть «завоевания революции» и сказываются чем-нибудь в ближайшие десятилетия, но в первые месяцы — лик этих завоеваний отталкивающе ужасен. Иду дальше. Двери в бывший огромный кабинет начальника штаба отворены настежь. И там толпа, и в этой толпе мотается (кто же?) — огромный Карлушка Васильковский в генеральских погонах. Карлушка — коренной офицер [Лейб-гвардии] Казачьего Его Величества полка. В 1904 году он перевелся временно, что разрешалось, на театр войны, где я его видел в форме одного из забайкальских казачьих полков⁹². Помню Карлушу верхом, с японцем на седле. Японцем, которого он забрал собственноручно⁹³. Помню его в нервно-возбужденном состоянии в период мукденских боев, в какой-то китайской деревушке. За пять минут до встречи со мною он спас знамя одного из стрелковых полков, почти что вырвав это знамя от наседавших японцев. Я же помогал ему писать рапорт об этом подвиге, давшем ему Георгиевский крест⁹⁴. Помню Карлушку у нас в штабе 4-го Сибирского корпуса, где он учился вместе с не менее знаменитым сотником «Сашкой» Секретевым⁹⁵ пить горящий ликер и обжег себе горло. Что и говорить, храбрый офицер, но как далеко от простоватого сотника до командующего войсками. И вот мой Карлуша с воспаленными глазами, видимо, не спавший уже много ночей, с лихорадочным румянцем — произносящий речи этой солдатне, набившейся в барские покои нашего штаба... Пути и «возврата к прошлому нет», и «новая заря», и «кровавый режим»... Бедный Карлушка! Я невольно подумал, что и мне может быть предстоит такая же «почетная роль»... Нет! Если уж придется мучиться, то разговоры у меня уже будут другие.

Тут же познакомился с начальником штаба округа полковником Багратуни⁹⁶. Маленький, черненький армянчик. Видимо, какая-то новая фигура. Нет ли тут революционного прошлого?

⁹² В Русско-японской войне О.П. Васильковский участвовал в составе 2-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска.

⁹³ Т.е. взял в плен.

⁹⁴ Орден Св. Георгия 4-й степени. Речь шла о спасении знамени 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка 25 февраля 1905 г. Орденом Св. Георгия 4-й степени Васильковский был награжден Высочайшим приказом 3 октября 1908 г.

⁹⁵ Александр Степанович Секретев (08.08.1882–08.05.1931) — сотник (впоследствии — генерал-лейтенант) во 2-м Верхнеудинском полку Забайкальского казачьего войска.

⁹⁶ Яков Герасимович (Акоп Караистович) Багратуни (25.08.1879–23.12.1943) — полковник (затем — генерал-майор). Начальник штаба Петроградского военного округа.

Не добившись никакого толка в этой кутерьме, я с грустью покинул родной штаб. Подумав, решил вернуться в Выборг и там ждать моего нового назначения.

II. Снова Выборг, санатория «Рауха»

Вернувшись в Выборг, я в первый момент не знал, куда бы себя девать, но о моем приезде из Франции уже узнала madame Габрилович, собственница санатории «Рауха» в десяти верстах от известного водопада «Иматра» и на самом берегу озера «Сайма». «Рауха» (Rauha) по-фински означает — «отдых», «покой», и это имя было дано отлично организованной доктором Габриловичем и его женой санатории, устройству которой могли бы позавидовать лучшие санатории в Швейцарии. Я познакомился с санаторией летом 1913 г., когда я привез туда мою жену, измученную болезнями в течение всей зимы и операцией.

Я до сих пор помню, как я был очарован чудным расположением санатории в сосновом лесу, у самого берега лазурного озера.

Безукоризненный обильный стол и самое главное такой ласковый и внимательный уход за больными сразу как-то успокоили и меня, и мою жену, так нуждавшуюся в отдыхе. В самое короткое время жена моя подружилась с хозяйкой Еленой Антоновной Габрилович, и я с самой глубокой благодарностью вспоминаю это имя.

В период войны и до нашего отъезда во Францию жена несколько раз жила по неделям в «Рауха» и даже раз сумела оказать большую услугу Елене Антоновне, облегчив ее отношения с начальством Выборгской крепости, в районе которой эта санатория находилась.

Узнав о нашем приезде, Елена Антоновна немедленно обратилась к нам с любезной просьбой погостить у них и даже указала нам попутчиков в лице m-me Шульман и Корали, которые могли в Выборге захватить нас и перевезти на автомобиле на Иматру. Два слова о m-me Шульман.

M-me Шульман была дочерью известного музыкального критика Иванова и жены его — милейшей и добрейшей итальянки, не говорившей даже толком по-русски. Я помнил m-me Шульман очень красивой барышней на петербургских вечерах. Вышла она замуж за военного юриста Шульмана, умершего во время войны.

На «Иматру» к Габриловичам мы приехали как в родную семью и сразу перезнакомились с многочисленными обитателями санатории, которая уже тогда представляла из себя убежище, да простится мне это

слово, всех «недорезанных буржуев». Общество было весьма разнообразное, но останавливаться на нем я не буду, так как мне придется еще раз вернуться к «Рауха» после событий, пережитых мною в Петербурге. Скажу только, что в этот приезд мы познакомились и хорошо сошлись с князем Владимиром Михайловичем Волконским⁹⁷, бывшим товарищем председателя Государственной Думы и товарищем министра внутренних дел в последние дни монархии⁹⁸. Внук или правнук декабриста⁹⁹ Владимир Михайлович отличался широтой взглядов, терпимостью и полной объективностью в оценке настоящих событий. Прекрасно осведомленный во всех политических течениях по своей работе в Думе он был для меня драгоценным собеседником, особенно при моей «малограмотности» в политических вопросах. Я особенно подчеркиваю эту полную неподготовку офицерского состава для работы в водовороте революционных событий. Владимир Михайлович, сам бывший офицер, в свои молодые годы — с ему одному свойственной чарующей простотой сразу завоевал мои самые сердечные, искренние симпатии.

Нося высокое придворное звание, князь Волконский был близок ко Двору и лично знал всю императорскую фамилию, причем с некоторыми членами царской семьи он был в самых приятельских отношениях. Мы быстро сошлись, и я с удовольствием вспоминаю наши ежедневные встречи, наши прогулки и наши полные для меня интереса беседы по вечерам.

Коснувшись придворного мира, не могу не вспомнить еще одной встречи в Петербурге, встречи, которую я опустил описать в предыдущей главе. На углу Миллионной улицы и Дворцовой площади мне навстречу попался бедно одетый, исхудавший старик в сильно потертой шляпе и поношенном пальто. Вглядевшись, я узнал графа Бенкендорфа, обер-гофмаршала государя императора¹⁰⁰. Я был поражен видом этого сановника императорского двора. Мы остановились и в довольно долгой беседе с этим глубоко мною почитаемым человеком я осознал всю глубину того несчастья, которое обрушилось на плечи ближайших сотрудников государя. Я не говорю о страданиях морального свойства,

⁹⁷ Владимир Михайлович Волконский (17.09.1868–23.03.1953) — общественный и политический деятель, князь. Товарищу председателя III и IV Государственных дум. Товарищу министра внутренних дел (1915–1916).

⁹⁸ На самом деле князь В.М. Волконский занимал пост товарища министра внутренних дел до 21 декабря 1916 г.

⁹⁹ В.М. Волконский был внуком декабриста князя С.Г. Волконского 4-го.

¹⁰⁰ Павел (Леопольд-Иоганн-Стефан) Константинович Бенкендорф (29.03.1853–28.01.1921) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Обер-гофмаршал высочайшего двора.

Князь В.М. Волконский

я хочу сказать, что все они терпели физическую нужду, говоря попросту, голодали. Я помню Бенкендорфа во всем его величии, с гофмаршальским жезлом впереди государя на Высочайших выходах. Помню его необычайную любезность в отношении лично меня, когда во время обеда в Ропшинском дворце меня послали куда-то с весьма срочным распоряжением по маневрам. Государь с его обычной добротой беспокоился, что я уехал, не окончив обеда. Я вернулся через час. И, Боже мой! Я думаю, что редко кому выпадала на долю трапеза, которую мне сервировали 4—5 лакеев в расшитых галунами придворных фраках, а сам добрейший гофмаршал два раза навещал меня, чтобы спросить все ли мне подали в порядке и доволен ли я обедом. Я думаю! Еще бы...!

Он много делал добра. Вот что мне рассказал Владимир Михайлович Волконский про жизнь графа Бенкендорфа после мартовской революции¹⁰¹. Сам он с семьей и ближайшие его друзья, лишившись всего, совершенно неподготовленные к жизни в революционной кутерьме, когда ничего уже нельзя было достать за деньги — начали голодать и медленно умирать. И вот графу кто-то из преданных старых слуг привез как-то дюжину рябчиков, добытых, вероятно, не только с трудом, но и с большим риском.

В эту мрачную эпоху рябчики были недосыгаемым лакомством. И старый гофмаршал, уже окруженный нищетой, решил скушать эту

¹⁰¹ Имеется в виду Февральская революция 1917 г.

дичь в привычной ему барской обстановке. Собрали близких друзей, сервировали отличный стол, посреди которого высилась, разысканная где-то, старая художественная серебряная канделябра. Старый повар с любовью приготовил вкусное блюдо, а старые лакеи, преданные своим барам и в несчастье — с благоговением служили у стола может быть в последний раз... Какая глубокая драма! Я думаю, что многие из участников этой прощальной трапезы были убиты, другие исчезли из этой жизни в ближайшие годы...

Там же в «Рауха» мы познакомились и сошлись с милейшей Надеждой Александровной Хариной¹⁰², она была замужем за генералом Хариным¹⁰³, причисленным к Главному штабу и ведавшим там каким-то несложным делом. Оба они были людьми очень богатыми и жили в Петербурге открыто. Надежда Александровна бывала и «при Дворе». Я помню ее фотографию в открытом придворном туалете, залитом драгоценностями. Это была крупная женщина с пепельными волосами, с открытыми серыми глазами и мягкими чертами лица. Она не была красива, но она олицетворяла очаровательный тип истинно русской женщины и, кажется, пользовалась большим успехом. Дом у них был, безусловно, интересный, но самое интересное было в этом доме — сам генерал Харин. Исключительно богатый человек, он обставил свою жизнь удивительными чудачествами. Так, например, он по месяцам ел одно и то же блюдо каждый день. В день, когда мы обедали у него — этим блюдом была утка, привозимая каждый день нарочно из какого-то поместья... Знаю, что как-то отправляясь за границу, он забыл взять с собою какую-то особенную горчицу. Обнаружив этот промах в Варшаве, он вернулся в Петербург, чтобы взять горчицу и снова уехать. Я не помню уже всех забавных историй, рассказанных мне Надеждой Александровной, но об этих мелочах упомянул, чтобы дать понятие какие, так сказать, «древнерусские» типы жили в столице до самой революции [19] 17-го года.

Надежда Александровна жила в «Рауха» со своею сестрою. Обе они уже ушли из этого мира, исчез, я думаю, и генерал Харин. Последний раз я видел его в Праге в 1919 году около великой княгини Ольги

¹⁰² Надежда Александровна Харина — супруга генерала И.Н. Харина, тетка великой княгини Ольги Александровны.

¹⁰³ Иван Николаевич Харин (01.05.1860–06.06.1923) — генерал-майор, дядя Н.А. Куликовского — супруга великой княгини Ольги Александровны. В распоряжении начальника Главного штаба. Генерал Харин был владельцем рудников и богатым человеком.

Александровны¹⁰⁴, проезжавшей в Данию со своим мужем Н.А. Куликовским¹⁰⁵.

Хорошо было в «Рауха» в эти теплые августовские дни. Санатория расположена вдали от крупных центров и потому конвульсии революции известны нам были только из газет. Газеты мы получали под вечер, и потому вся санатория собиралась за час перед обедом в обширном теплом холле, чтобы знакомиться с положением, не теряя ни минуты. Все газеты передавались мне, и я громким голосом читал выдержки для всей этой пестрой аудитории.

Как уже всем известно, в эти августовские дни 1917 г. последовало «Корниловское движение».

Верховный главнокомандующий и всеми обожаемый герой Лавр Георгиевич Корнилов во имя спасения разлагающейся армии постановил ряд требований Временному правительству, в которых он разошелся во взглядах с пресловутым печальной памяти Керенским¹⁰⁶. Я не участвовал в этом движении или, как говорили, «Корниловском перевороте». Приехав из Франции во второй половине августа, я не успел войти в сношения с окружением Корнилова и потому, к моему великому сожалению, остался вне этих событий. Я потому говорю «к сожалению», так как я всем сердцем был на стороне Корнилова. Зброшенный в эти дни на «Иматру», я оказался зрителем в этой огромной драме и потому в настоящих записках касаюсь всех этих событий лишь вкратце.

Суть наступившей трагедии весьма проста: с одной стороны популярный, всеми признанный и всеми чтимый герой Корнилов, с другой стороны — ничтожный адвокатишка, полужидовского происхождения¹⁰⁷, мнивший себя Робеспьером¹⁰⁸ и диктатором. Только угар и полупомешательство революционной толпы могли выбрасывать на первые места подобных деятелей с весьма туманным, а вернее и темным прошлым¹⁰⁹.

¹⁰⁴ *Ольга Александровна* (01.06.1882–24.11.1960) — великая княгиня, сестра императора Николая II.

¹⁰⁵ *Николай Александрович Куликовский* (05.11.1881–11.08.1958) — второй муж великой княгини Ольги Александровны.

¹⁰⁶ *Александр Федорович Керенский* (22.04.1881–11.06.1970) — военный и морской министр, министр-председатель Временного правительства.

¹⁰⁷ В действительности А.Ф. Керенский происходил из русско-немецкой семьи. Слухи о его еврейском происхождении были популярны в правых кругах.

¹⁰⁸ *Максимильен Мари Изидор де Робеспьер* (06.05.1758–28.07.1794) — французский революционер, адвокат.

¹⁰⁹ Дань политическим предубеждениям мемуариста. А.Ф. Керенского нельзя считать человеком с темным прошлым.

Естественно Керенский видел в Корнилове своего могучего противника. Он понимал, что требования Корнилова положат предел его позорной деятельности на погибель России и несчастной армии.

Все было пущено в ход. Подложные свидетельства, лживые прокламации, митинги в обезумевших войсках. Керенский не пренебрегал никакой грязью, никакими вымыслами.

Развязка наступила с объявлением Корнилова «врагом народа» и с выдвиганием в сторону Петербурга Конного корпуса Крымова, в задачу которого входило умиротворение столицы и роспуск пресловутого Комитета рабочих и солдатских депутатов¹¹⁰.

Я помню, с каким лихорадочным нетерпением мы хватались за журналы, отдельные листки, прокламации, прибывавшие в санаторию по вечерам.

Увы! Известия были все тревожнее и тревожнее. Конный корпус Крымова остановился, дойдя до Луги. Навстречу ему посылались ежедневно целые шайки опытейших агитаторов для разложения солдатских масс.

В дальнейшем события развернулись непонятным образом. Крымов поехал в Петербург для свидания с Керенским. Я не знаю, вызван ли был обманном путем Крымов, или же он бросился в Петербург по собственному желанию. Могу лишь сказать, что Крымов не был способен ни на какую подлость. Я прожил с этим человеком два года Маньчжурской войны, причем год мы жили в одной палатке. Помню его в стрелковой цепи у селения Фын-Дзя-Пу на реке Шахэ, помню его под Ляояном, когда мы вместе поджигали мост Тай-Цзы-Хэ и уходили по этому мосту под пулеметным огнем японцев, еще раньше мы вместе попали в реляцию о бое под Дашичао. Да всего в этом моем труде и не перескажешь. Полный, громадного роста, может быть грубый по натуре, но глубоко честный и отзывчивый, он пользовался большою любовью и солдат, и своего ближайшего начальства. Еще раз скажу Александр Михайлович, а для меня просто Саша Крымов, не был способен ни на какую подлость. О свидании его с Керенским мне рассказывал Анатолий Киприанович Кельчевский¹¹¹, тоже мой друг по кафедре в академии и по боевому прошлому в рядах 2-й Финляндской стрелковой дивизии,

¹¹⁰ Правильно — Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Петроградского совета).

¹¹¹ *Анатолий Киприанович Кельчевский (Кельчевский)* (19.01.1869–01.04.1923) — генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант). И.д. начальника штаба 9-й армии, затем (с 09.09.1917) — командующий этой армией.

Генерал А.К. Келчевский

но о Кельчевском — в другом месте, иначе я никогда не подойду к моему посту начальника Генерального штаба.

По словам Кельчевского свидание Крымова с Керенским состоялось в Зимнем дворце. В чем заключался их разговор — по-видимому никому не известно, но окончился он крепкой затрепачиной, которою Крымов наградил этого предателя. Выходя из дворца, Крымов выстрелил себе в грудь и скончался в какой-то санатории на Кирочной улице¹¹². Корниловскому перевороту наступил конец.

Конец этого движения выразился, прежде всего, в полном падении дисциплины, в аресте самого Корнилова и его сподвижников и в многочисленных убийствах, вызванных подлейшей провокацией. До «Рауха» доходили слухи о бурных солдатских митингах в Выборге, о волнениях на железной дороге.

В одно прекрасное или вернее совсем не прекрасное утро м-те Габрилович сообщила мне, что все обитатели санатории очень взволнованы моим присутствием и в особенности моей генеральской формой с красными широкими лампасами на рейтузах. М-те Габрилович умоляла меня переехать на принадлежащую санатории дачу, в километре расстояния от «Рауха» и тоже на самом берегу. Я покобенился немного, но согласился, так как не хотел стеснять милейших Габриловичей в их, так сказать, хозяйстве.

¹¹² По имеющимся сведениям, генерал А.М. Крымов покончил с собой 31 августа 1917 г. у себя на квартире на улице Захарьевской (по другим данным — на Лиговском проспекте). Он умер в Николаевском госпитале, куда был перевезен.

Генерал А.М. Крымов. ГА РФ

Белая чудесная дача, так называемая «Дача Соловьева», стоит в густом сосновом бору, на высоком берегу Саймы. Мы с женой поместились в отлично меблированной обширной комнате с видом на озеро. Кругом на километр — никого, ни малейшей избушки. При нас была, помнится, какая-то женщина для услуг, да к этому времени подъехал из Франции мой вестовой и до войны мой слуга Иосип Блажун. Об этом верном, чудесном человеке расскажу несколько позже. Увы! Война и революция разделили нас, и я до сего дня жалею об этом. Вместе с Блажуном вернулся из Франции и мой конный вестовой Сучков. Сучков был глуп и был величайшим трусом. Каждый раз, когда он, сопровождая меня, попадал под огонь — он начинал причитать и громко молился. Он отлично ходил за моею лошадию, и потому я мирился с его трусостью и непроходимой глупостью. Во время пути морем и через Архангельск революция так обработала его, что он явился ко мне с бриллиантовым кольцом на пальце и с соответствующим разговором. Я немедленно отпустил его на все четыре стороны.

Блажун привез мне и моего верного Фокса — «Токи» совершенно опаршивевшего в долгом пути из Франции.

Вот лечением моей собаки и размышлениями в нашем одиночестве я и заполнял свое время в тиши соснового бора, окружавшего дачу.

Как-то часа в 3—4 после полудня меня вызвала из Выборга по телефону m-me Скобельцина, жена близко знакомого мне генерала¹¹³.

¹¹³ Владимир Степанович Скобельцын (12.03.1872—04.01.1944) — генерал-майор. Участник Белого движения на Севере России (1919—1920).

«Знаете ли Вы, что сегодня случилось в Выборге? Убиты генералы Орановский¹¹⁴, Васильев¹¹⁵, Степанов...! Я узнала, что Вы на Иматре и сочла нужным предупредить Вас...!»

Ликвидация Корниловского движения началась. Орановский командовал корпусом в районе Выборга, Васильев был его начальником штаба, Степанов, мой товарищ и друг, у которого я думал остановиться, был комендантом крепости. Помнится, были и еще убитые, но, к сожалению, память не оставила мне их имен¹¹⁶.

Произошло это так. В последние дни в Выборг приезжали какие-то люди «в кожаных куртках», собирали толпы солдат и разжигали их революционными речами против офицеров и конечно, главным образом, против генералов. Наступил день, когда толпа обезумевших солдат бросилась по квартирам и арестовала всех наличных генералов, за исключением Баженова¹¹⁷, моего старого сослуживца, полуразбитого в это время параличом. Все они были брошены на гауптвахту у Абосского моста, в двух шагах от отеля, где я остановился до отъезда на Иматру. Случайная поездка на отдых спасла меня от гибели.

На другой день после ареста та же озверевшая толпа бросилась на гауптвахту и выволокла за ноги всех этих несчастных. С Абосского моста они были брошены в глубокий канал, причем подлые убийцы добивали их выстрелами.

¹¹⁴ Владимир Алоизиевич Орановский (07.01.1866–29.08.1917) — генерал от кавалерии. Бывший командир XLII армейского корпуса. Убит солдатами в Выборге.

¹¹⁵ Виктор Николаевич Васильев (10.03.1872–29.08.1917) — генерал-майор, обер-квартирмейстер XLII армейского корпуса. Убит солдатами в Выборге.

¹¹⁶ В Выборге тогда погибли бывший командир XLII армейского корпуса генерал от кавалерии В.А. Орановский, комендант выборгской крепости генерал-майор Ф.В. Степанов и обер-квартирмейстер XLII армейского корпуса генерал-майор В.Н. Васильев, полковник Э.К. Кюрениус. Кроме них, в городе были убиты командир 1-го Выборгского крепостного полка полковник И.К. Дунин-Слепц, начальник инженеров крепости полковник И.И. Максимович (позднее выяснилось, что он был убит с целью грабежа), командир 3-го Выборгского крепостного полка полковник Н.М. Карпович, начальник хозяйственной части 3-го Выборгского крепостного полка подполковник Глинзич, адъютант Куксин, подпоручик 1-го Выборгского крепостного полка Н.А. Хапцов, рядовой команды разведчиков А. Курчаков. Убийства продолжались до ночи по всему городу и вокруг него (в парке Монрепо были повешены два офицера, командир минной роты подполковник И.И. Бородин был убит на Николаевском острове в 10 верстах от города вместе с адъютантом подпоручиком Н.И. Куксенко). Самосуд затронул от 12 до 22 человек. По некоторым данным, без вести пропали около 60. Подробнее см.: Ганин А.В. Выборгская крепость // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М., 2017. С. 218.

¹¹⁷ Борис Петрович Баженов (31.07.1871–?) — генерал-майор. Начальник штаба XLII армейского корпуса. Вместе с В.В. Марушевским он служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в начале XX в.

Выборг. Виден Абоский мост, на котором происходили убийства офицеров в 1917 г.
Дореволюционная открытка

Весь этот кошмар, месяц спустя, мне был рассказан вдовой Ф. В. Степанова, на глазах которой разыгралась вся драма. Когда я думаю об этих мучениках, в душе моей и до сих пор кипит негодование и презрение к этой в высшей мере человеческой подлости. В особенности поразила меня смерть Степанова. Скромного происхождения, даже не из дворян, он был воспитан матерью, получавшей 15-рублевую пенсию. В этой кричащей бедности он добился офицерского чина, окончил Академию Генерального штаба, что было совсем не просто в мое время, увенчал себя «орденом храбрых»¹¹⁸ за Порт-Артур, что окончательно выдвинуло этого скромного человека. Это ли не сын своего народа? Это ли не истинный демократ по рождению, по своему образу жизни? И вот революция уничтожает этих доблестных служак, а шайка Керенских и ему подобных кадит фимиам подлой озверевшей толпе, которой все дозволено, до кровавых убийств — «эксцессов» включительно.

Как бы то ни было, а мне нужно было возвращаться в Петербург. Я не мог рисковать, так как был с женой, и выждал 2—3 дня, пока волнения улеглись.

И вот я снова на Выборгском вокзале. Жду поезда в Петербург. На вокзале пустынно, тихо. Встретил ротмистра Здраевского, бывшего

¹¹⁸ Орден Св. Георгия 4-й степени.

нашего ординарца при штабе¹¹⁹. Молодых не трогали. С его слов узнал подробности драмы.

Еще несколько минут, и поезд уносит меня в красный Петроград. Еще одна перевернутая страница моей жизни.

III. После Корниловского «переворота». Мое назначение

По приезде в Петербург мы приютились в доме Наталии Францовны Веge, жены моего старого товарища, недалеко от церкви Николы Морского и совсем вблизи от казармы Гвардейского экипажа. Жизнь в Петербурге была уже невыносимо дорога, и я был бесконечно счастлив найти приют у друзей.

Приехали мы совсем налегке, и потому можно было сразу начинать с необходимых визитов и переговоров.

Прежде всего, я снова обратился в Главное управление Генерального штаба. Новости были оглушительные. Прежде всего, Керенский, после ликвидации корниловского движения провозгласил себя Верховным главнокомандующим¹²⁰. Военным министром был назначен полковник Верховский¹²¹. О личности Керенского я говорить не хочу, так как мое знакомство с ним было короткое. Я видел его всего один раз и горячо благодарю господу, что он избавил меня от дальнейших встреч с этой личностью. О своем свидании с ним расскажу в надлежащем месте моих записок. Теперь считаю необходимым поговорить о новом военном министре. Не забудем, что на постах военного министра в недалеком прошлом находились такие крупные фигуры, как граф Милютин¹²², Ванновский¹²³, Куропаткин¹²⁴,

¹¹⁹ Возможно, *Авенир Михайлович Здроевский* (01.04.1886–01.12.1962) — ротмистр Лейб-гвардии Драгунского полка.

¹²⁰ Керенский был назначен Верховным главнокомандующим 30.08.1917 г. постановлением Временного правительства.

¹²¹ *Александр Иванович Верховский* (27.11.1886–19.08.1938) — полковник, генерал-майор (с 30.08.1917). Командующий войсками Московского военного округа (с 31.05.1917). Военный министр (30.08–22.10.1917).

¹²² *Дмитрий Алексеевич Милютин* (28.06.1816–25.01.1912) — граф, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. Военный министр (1861–1881).

¹²³ *Петр Семенович Ванновский* (24.11.1822–16.02.1904) — генерал от инфантерии. Управляющий Военным министерством (1881), военный министр (1882–1898).

¹²⁴ *Алексей Николаевич Куропаткин* (17.03.1848–16.01.1925) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Военный министр (1898–1904).

А.И. Верховский. Севастополь, ноябрь 1914 г.

Сахаров¹²⁵, Ридигер¹²⁶... И вдруг — фигура можно сказать мальчишки! Надо пояснить, как создалось это назначение, исходящее целиком из революции.

Верховский в свое время, то есть примерно в 1905 году, был камер-пажем и фельдфебелем Пажеского Его Величества корпуса. Надо пояснить, что камер-пажи несли свою придворную службу, каждый состоя при определенной особе императорской фамилии. Верховский, как фельдфебель, был камер-пажем государя императора. Я не знаю его семью и не могу сказать, когда и где он связался с революционным подпольем, но связь эта ярко выразилась в 1905 году во время крупных беспорядков в Петербурге. В здании Пажеского корпуса были расположены части Уланского Ее Величества полка, вызванного из Петергофа в помощь городской полиции. По поводу выступления одного из эскадронов этого полка Верховский произнес перед солдатами речь столь революционного содержания, что дальнейшее его пребывание в корпусе являлось недопустимым. Он был разжалован в солдаты и отправлен в одну из полевых батарей на Маньчжурском фронте.

В Маньчжурии он заслужил солдатский Георгиевский крест, а примерно в 1906—1907 году он был прощен и произведен в офицеры.

¹²⁵ Виктор Викторович Сахаров (20.07.1848–22.11.1905) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Военный министр (1904–1905).

¹²⁶ Правильно — Редигер. Александр Федорович Редигер (31.12.1853–26.01.1920) — генерал от инфантерии. Военный министр (1905–1909).

А.И. Верховский на траурной процессии в Москве. 1917 г.

Безусловно способный, он поступил в Николаевскую военную академию, которую и кончил с успехом в 1912 или, может быть, в 1913 году¹²⁷. Эти года в академии были эпохой реформ по кафедре «тактики», руководимых Н.Н. Головиным¹²⁸, только что отбывшим стаж в *Ecole supérieure de Guerre*¹²⁹ и принесшим в нашу *Alma Mater* идеи и доктрины Фоша¹³⁰ и Петэна¹³¹, будущих маршалов Франции. Я принимал участие в этих реформах по тактике пехоты и был одним из сотрудников Головина.

Верховскому посчастливилось быть одним из слушателей этого блестящего профессора и заручиться его симпатиями. По окончании академии и после «причисления» к Генеральному штабу этот бывший камер-паж и герой Маньчжурских полей должен был представляться в числе других государю¹³², и, конечно, вопрос этот являлся достаточно

¹²⁷ На самом деле А.И. Верховский окончил Императорскую Николаевскую военную академию в 1911 г.

¹²⁸ *Николай Николаевич Головин* (22.02.1875–10.01.1944) — генерал-лейтенант. В описываемое время — полковник, реформатор учебного курса Императорской Николаевской военной академии.

¹²⁹ Высшая военная школа во Франции.

¹³⁰ *Фердинанд Фош* (02.10.1851–20.03.1929) — французский военный деятель. Начальник Генерального штаба Франции (1917–1918). Маршал Франции (1918).

¹³¹ *Анри Филипп Бенони Омер Жозеф Петен* (24.04.1856–23.07.1951) — французский военный деятель. Главнокомандующий французской армией (1917). Маршал Франции (1918).

¹³² Речь идет о событиях 1911 г.

Генерал Н.Н. Головин (на фото в чине полковника). *Архив Ю.М. Строева*

деликатным, как для начальства академии, так и для самого Верховского.

Н.Н. Головин, сам бывший паж¹³³, принял участие в положении Верховского и приехал посоветоваться ко мне в штаб войск гвардии. Мы решили обратиться к начальнику штаба барону фон-ден Бринкену¹³⁴ и просить его доложить весь вопрос великому князю главнокомандующему¹³⁵, рассчитывая, что Его Высочество частным образом переговорит с государем. Государю императору угодно было передать через нас Верховскому, что он простил его за его боевую службу и что Верховский может явиться ему вместе со своими товарищами по академии.

Представляясь государю, Верховский заявил, что он «всю жизнь свою употребит на то, чтобы загладить свою вину перед царем и заставить забыть ошибку своей ранней молодости». Так мне передавали мои товарищи по профессуре в академии. Сам я вспоминаю об этом, чтобы возможно выпукло очертить фигуру этого одного из сотрудников Керенского.

В 1914 году Верховский был уже старшим адъютантом штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады и за блестящую боевую службу

¹³³ Н.Н. Головин окончил Пажеский корпус в 1894 г.

¹³⁴ Александр-Павел Фридрихович Бринкен фон ден (28.08.1859–25.03.1917) — барон. Генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от инфантерии). Начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1908–1912).

¹³⁵ Речь идет о великом князе Николае Николаевиче младшем.

в делах под Бялой в Восточной Пруссии и под Сувалками, где он был ранен, был награжден орденом Св. Георгия¹³⁶. В деле под Бялой его геройское поведение было совершенно исключительным. В дни войны я встретил его как-то в штабе VII-й армии, а затем за отъездом во Францию потерял его из вида.

В корниловские дни Верховский был командующим войсками в Москве и какими-то удачными действиями против Корнилова заслужил особое доверие Керенского.

Теперь вернусь к моему рассказу. К моему великому огорчению мое назначение в Италию затягивалось. Мне казалось, что назначение это приберегает для себя генерал Потапов, помощник начальника Генерального штаба и что, во всяком случае, с этим назначением связана какая-то интрига.

Начальник Генерального штаба и мой товарищ Романовский был по-видимому бессилён ускорить решение этого вопроса, да кроме того он доживал свои последние часы в управлении Генерального штаба, так как не видел никакой возможности работать с Верховским — своим бывшим подчиненным в штабе VII-й армии на фронте.

Узнав все эти новости, я решил обратиться к помощнику военного министра Якубовичу¹³⁷ (кстати сказать — тоже революционная фигура) и в довольно смутном настроении пошел на Мойку в дом военного министра, вблизи от Полицейского моста на Невском.

У самого подъезда я наткнулся на подъехавшего к дому Верховского. Надо оговориться, что в этот момент, недавно вернувшись из Франции, я не имел понятия о революционных подвигах Верховского (как, например, обыск у императрицы Марии¹³⁸ в Крыму). Передо мною стоял

¹³⁶ Капитан А.И. Верховский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени Высочайшим приказом 26.04.1915 г. за подвиг в бою 25.08.1914 г. под Бялой.

¹³⁷ Григорий Андрианович Якубович (15.03.1880–16.01.1926) — генерал-майор. Помощник военного министра (1917).

¹³⁸ Мария Федоровна (14.11.1847–13.10.1928) — российская императрица, супруга императора Александра III. Обыск у Марии Федоровны проходил в имении Ай-Тодор 26 апреля 1917 г. Подполковнику А.И. Верховскому как товарищу председателя севастопольского совета депутатов действительно Временным правительством было поручено осуществлять контроль за Романовыми в Крыму, он же руководил обысками у Романовых, причем в имениях Чаир у великого князя Николая Николаевича и Ай-Тодор у Марии Федоровны участвовал в обыске лично (Карушкина Н.В. Обыски у бывших членов Императорского дома в Крыму в апреле 1917 г. // Новейшая история России (СПб.). 2023. Т. 13. № 2. С. 306–313). Как вспоминал Верховский, «старуха императрица проявила недостаток выдержки и резко обошлась с матросами» (Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 244).

молодой офицер, блестящую боевую деятельность которого я отлично знал по своей службе в рядах Финляндской стрелковой бригады. С другой стороны, должен сказать, что и Верховский был в деталях осведомлен о моей службе во 2-й Финляндской стрелковой бригаде, где я пользовался, да позволено мне будет упомянуть об этом, исключительными симпатиями.

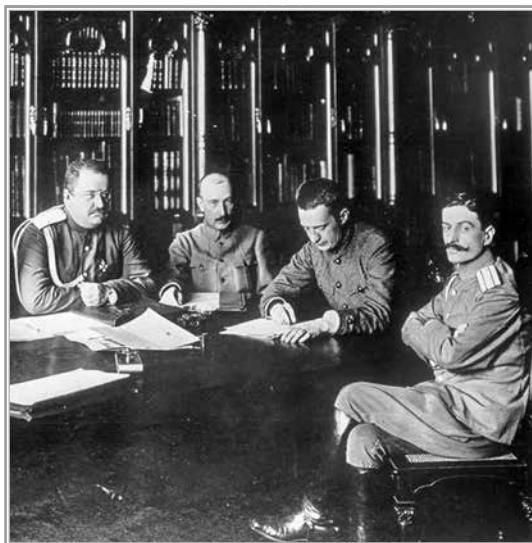
Встретились мы по-приятельски и Верховский с первых же слов начал расспрашивать меня о моей службе во Франции и о моих проектах дальнейшей службы.

Совершенно откровенно я рассказал ему о предложении, сделанном мне Романовским, ехать в миссию в Италию. Верховский затопал ногами. «Как? Куда? Туда мы пошлем какого-нибудь старика... Вы нужны здесь...!» Позволяю себе воздержаться от комплиментов, которыми меня щедро осыпал Верховский. Тут же на улице он предложил мне занять пост начальника Генерального штаба, заместив Романовского, получившего, сколько помнится, долговременный отпуск.

Я отказался в первую минуту. Я совершенно не чувствовал себя способным к чисто административной службе, с другой стороны, я отдавал себе ясный отчет в том хаосе, в котором находились все отделы Военного министерства. Мог ли я с моей чисто строевой подготовкой оторваться от моих пулеметов, ручных гранат, траншейных орудий, от моих учебных команд, короче говоря, от всего того, где я сознавал себя мастером и хозяином... и перейти на высоко ответственный пост, который, казалось мне, должен быть сердцем и мозгом всего командного состава армии — пост, отвечающий за всю подготовку к войне государства во всем его объеме; пост, одухотворяющий все операции армий и несущий на себе ответственность за результаты войны... я отдавал себе отчет, что кампания на три четверти проиграна, что армия уже разложена, что дисциплина пала, что тылы и запасы разграблены... Что можно было сделать, находясь даже на высоком посту?

Вместе с тем в глубине сознания еще живо было чувство военной чести и офицерского долга. Как будто не совсем хорошо было становиться в сторону в минуту, когда надо было жертвовать собою и... спасти, спасти офицерский состав, гибнущий с каждым днем, спасти академию, драгоценные архивы, созданные трудом двух-трех столетий, спасти все то, чем жила и работала годами военная мысль лучших представителей армии.

Я отказался, просил подумать. Верховский и слышать не хотел...

Военное министерство Временного правительства. Слева направо: Г.А. Якубович, Б.В. Савинков, А.Ф. Керенский, князь Г.Н. Туманов. 1917 г.

Прямо с Мойки я поехал к Романовскому. В долгой беседе с Юрием Дмитриевичем я еще ярче осознал тяжесть моего положения. Прежде всего, начальник Генерального штаба с открытием военных действий уже не имел тех полномочий в сфере своей деятельности, которые ему принадлежали в мирное время. Весь центр тяжести в смысле работы армии был перенесен в Ставку [Верховного] главнокомандующего. Пост начальника Генерального штаба превратился в чисто административный, тыловой, с оттенком подчинения Ставке, в особенн[ости] с момента, когда государь стал во главе армии¹³⁹. В первые же месяцы революции значение Ставки [Верховного] главнокомандующего понизилось. Армия находилась в разложении. Фактическим хозяином положения сделалась «красная» столица со всеми ее революционными настроениями и, в особенности, с Советом рабочих и солдатских депутатов. В Ставке замелькали фигуры Алексеева¹⁴⁰, Деникина¹⁴¹, Кор-

¹³⁹ Николай II Александрович (06.05.1868–17.07.1918) — российский император (1894–1917). Должность Верховного главнокомандующего Николай II занимал с августа 1915 г.

¹⁴⁰ Михаил Васильевич Алексеев (03.11.1857–25.09(08.10).1918) — генерал от инфантерии (с 24.09.1914). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (18.08.1915–02.04.1917).

¹⁴¹ Антон Иванович Деникин (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант. Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 28.03.1917). В.р.и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 05.04.1917). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с 18.04.1917).

Генерал М.В. Алексеев

нилова. Оттуда шли идеи оздоровления армии, восстановления дисциплины и порядка. Ставка была выражением «контрреволюции», что приводило в смертный страх и пресловутый Совет, и самого Керенского.

В этой обстановке начальник Генерального штаба являлся каким-то средостением между здоровыми течениями идущими из Ставки и всем хаосом крайних революционных идей вожаков красного Петрограда.

Работа на этом посту должна была неуклонно привести к решающему столкновению здоровых идей восстановления армии с утопиями демагогов бушующей революции. Последствия этого столкновения должны были быть серьезными для той или другой стороны. Надо было решаться.

К этому времени с Румынского фронта в распоряжение начальника Генерального штаба прибыл полковник Николай Лаврентьевич Голеевский¹⁴². В то же время в столице находился генерал Петр Александрович Половцев¹⁴³, назначенный командиром Конного корпуса на Кавказе и еще не успевший выехать к месту назначения. Я упоминаю

¹⁴² Николай Лаврентьевич Голеевский (03.02.1878–01.09.1958) — полковник. Состоял в распоряжении начальника Генерального штаба.

¹⁴³ Правильно — Половцов. Петр Александрович Половцов (30.05.1874–09.02.1964) — генерал-лейтенант. Командующий Кавказским туземным конным корпусом (с 02.09.1917).

Генерал А.Г. Корнилов и его соратники под арестом в Быхове

о том и о другом, чтобы, прежде всего, сказать, что нас трое¹⁴⁴ были уже много лет связаны самой тесной, душевной дружбой, что мы были крепко спаяны нашей боевой работой в Маньчжурии, и что мы были близки общностью наших идей во имя служения родной армии.

В летние дни 1917 года Половцев в качестве командующего войсками успел подавить первое большевистское восстание в Петрограде¹⁴⁵ и даже арестовать самого Троцкого¹⁴⁶. Керенский лично освободил Троцкого¹⁴⁷ и постарался отделаться от Половцева назначением его на Кавказ.

Этим двум моим близким товарищам я был обязан моей уже детальной ориентировкой в обстановке. Кроме них я перевидал много своих сослуживцев по Генеральному штабу, заинтересованных в моем назначении и веривших в возможность реформ по восстановлению армии.

Я решился. Жена моя, узнав о моем назначении, горько плакала, угадывая душою предстоявшую мне «Голгофу».

¹⁴⁴ Так в тексте.

¹⁴⁵ Речь идет о выступлениях против Временного правительства в Петрограде 3–5 июля 1917 г.

¹⁴⁶ Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) (26.10.1879–21.08.1940) — революционный деятель. Прибыл в Петроград из эмиграции (04.05.1917). Арестован в связи с июльскими событиями в Петрограде.

¹⁴⁷ Троцкий был освобожден из-под ареста 07.09.1917.

Генерал П.А. Половцов

IV. Главное управление Генерального штаба. Мой день. Попытки работы

12 сентября 1917 года состоялся приказ о моем назначении, и в этот же день я появился первый раз в стенах управления в качестве начальника. Необходимо упомянуть, что в rez-de-chaussée¹⁴⁸ того же здания я получил прекрасную квартиру из 6 комнат с помещениями для прислуги и всеми удобствами. 9 окон моей квартиры смотрели прямо на Дворцовую площадь и на Зимний дворец. Квартира была отлично меблирована, и мне оставалось только перевезти из Выборга, где находились все мои вещи, лишь часть моей мебели, картины и мою библиотеку. Мой подъезд находился рядом с подъездом в Главное управление, так что не приходилось терять время на выход на службу и возвращение домой.

12 сентября, без всяких излишних формальностей и церемоний приема, я пришел в управление, пожал руку моему секретарю и прошел прямо в свой кабинет. Обширная квадратная светлая комната, голые стены, пустой шкаф, огромный письменный стол. Рядом небольшая комната с кожаным диваном и небольшим столом, дальше — маленькая уборная. Впечатление — холодное. Я не привык и не умею работать в такой обстановке. На стенах ни одной картины, ни одной схемы. Никаких признаков личных архивов, ящики стола пусты. Я невольно

¹⁴⁸ Первый этаж (фр.).

Л.Д. Троцкий. Декабрь 1917 — январь 1918 г. Рис. Ю.К. Арцыбушева

подумал, что вся работа моих ближайших предшественников состояла в верчении бюрократического колеса, в исполнении лишь условий чистого формализма.

Я глубоко задумался о днях учреждения поста начальника Генерального штаба с личным докладом государю¹⁴⁹, о тех широких идеях, которыми мы жили по возвращении после японской войны, о проектах реформ, планов войны... и вот эта голая, холодная комната. Мои размышления прервал секретарь, который доложил мне, что меня желает видеть генерал Федор Федорович Палицын.

Первый начальник Генерального штаба! Какая судьба! Мне досталось быть последним водителем судеб старого Генерального штаба.

Федор Федорович искренно желал мне всякого успеха в ему одному свойственной насмешливой редакции: «Я горячо желаю, чтобы из этого что-нибудь вышло!» Я невольно вспоминаю, что встретив меня в Париже два года спустя, он в том же тоне сказал: «И вот ничего не вышло!»

Я первый раз представлялся Палицыну по возвращении с войны в 1906 году, я участвовал в организованной им военной игре в дни «Совета Государственной обороны»¹⁵⁰, он два раза звал меня в управление Ге-

¹⁴⁹ Речь идет о событиях 1905 г., когда было создано ГУГШ.

¹⁵⁰ Совет государственной обороны — верховный надведомственный орган, координировавший в 1905—1909 гг. деятельность военного и морского ведомств, а также Министерства иностранных дел. Председателем совета являлся великий князь Николай Николаевич.

Выступление В.И. Ленина на открытии II съезда Советов. Худ. П. Вильямс

нерального штаба, а я отказывался, не желая бросать строевую карьеру; помню, как Федор Федорович, встретив меня с Георгиевским крестом¹⁵¹, перекрестился и поцеловал этот крест. Никогда не забуду его первый приезд в качестве представителя государя в мой штаб в Mourmelon-le-Grand во Франции¹⁵².

Я встретил его у калитки ограды дома, где я жил. Федор Федорович снял фуражку, низко поклонился мне и в этой трогательной форме передал мне от имени царя благодарность за мою службу во Франции. Я был растроган до слез...

В эту встречу я передал ему все мои сомнения и постарался почерпать бодрость в его 86-летней мудрости¹⁵³. Я в шутку называл Палицына «Конфуцием»¹⁵⁴. В этот раз Федор Федорович, посмотрев на все, что делалось в Петрограде, решил вернуться в Париж на скромное содержание при нашем военном представительстве и в этом решении проявил обычную ему провидливость¹⁵⁵ и мудрость.

¹⁵¹ Речь идет об ордене Св. Георгия 4-й степени, которым Марушевский был награжден Высочайшим приказом от 21.03.1915 г.

¹⁵² Генерал Ф.Ф. Палицын в 1916–1917 гг. был представителем русской армии в Военном совете союзных армий во Франции.

¹⁵³ В действительности Ф.Ф. Палицыну в сентябре 1917 г. было 65 лет.

¹⁵⁴ *Конфуций* (около 551 до н.э. — 479 до н.э.) — древнекитайский мыслитель и философ.

¹⁵⁵ Так в тексте.

Расставшись с Палицыным, я вышел вместе с ним в приемную комнату... и совершенно растерялся. Приемная была забита до отказа толпой генералов. В этой толпе мне бросилась в глаза знакомая фигура Н.И. Иванова¹⁵⁶, бывшего главнокомандующего, которого я близко знал еще с Маньчжурской войны. Тут же стоял генерал Радкевич, бывший командующий 10-й армией¹⁵⁷. Я помнил Радкевича глубокой ночью под Сувалками, почти в стрелковых цепях, перед моментом штыковой атаки; я не могу по памяти перечислить всех... я могу только сказать, что я не знал, что делать. Я обошел всех, я постарался почтительно убедить их, что я, молодой человек, не «смею» заставлять их ждать себя, что я приглашу их всех отдельно — каждого... Я могу сказать, что я сделал все, чтобы не задеть самолюбие этих уже несчастных, убитых морально революцией достойнейших, храбрейших, безупречных служак... Да! Эта толпа вождей «не у дел» еще ярче нарисовала мне истинный абрис революции и бездны, в которую падала армия.

Я вернулся к себе в кабинет. Надо было приниматься за обыденную работу. Чтобы дать полное понятие об этой работе, надо было бы, прежде всего, описать организацию всего управления Генерального штаба. Этот труд принадлежит будущему составителю истории Генерального штаба. Я в моих записках хочу касаться лишь общей картины трагических дней перед большевистским переворотом и описать мои встречи и отношения с главными деятелями этой эпохи.

В сентябре 1917 [г.] во главе Военного министерства стоял Верховский, фигуру которого я постарался обрисовать в предыдущей главе. Военный министр имел трех помощников в лице генералов: Маниковского¹⁵⁸, Якубовича и князя Туманова¹⁵⁹. Маниковский был опытный артиллерист-академик, огромный знаток артиллерийского снабжения армии. Я знал его таковым еще с моих первых офицерских чинов, выдвинулся он, и по заслугам, во время войны. Был я с ним в самых прекрасных отношениях.

И Якубович, и Туманов — оба недавние штаб-офицеры мобилизационного отдела — были ставленниками революционных течений

¹⁵⁶ Николай Иудович Иванов (22.07.1851–27.01.1919) — генерал от артиллерии, генерал-адъютант. Бывший главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914–1916).

¹⁵⁷ Евгений Александрович Радкевич (16.09.1851–1930) — генерал от инфантерии. Командующий 10-й армией (1915–1916). Член Военного совета (на 1917).

¹⁵⁸ Алексей Алексеевич Маниковский (13.03.1865–01.1920) — генерал от артиллерии. Помощник военного министра (1917).

¹⁵⁹ Георгий Николаевич Туманов (29.07.1880–10.1917) — князь, генерал-майор. Помощник военного министра (1917). Убит.

Генерал А.А. Маниковский

и, как мне кажется, принадлежали к группе Гучкова. Якубович производил впечатление большого хитреца и таковым он и оказался, исчезнув с военных горизонтов в момент переворота. Туманов был искренним, сердечным человеком. Он был брошен в Мойку толпой озверевших солдат в день большевистского переворота и погиб на своем посту.

Начальник Генерального штаба подчинялся непосредственно военному министру и имел в своем подчинении, кроме ряда отделов в своем управлении (устройство и служба войск, разведка, контрразведка, цензура, эвакуация и пленные, демобилизация, топография, иностранные военные миссии), еще и все управление военных сообщений. Часть этих отделов управлялась помощником начальника Генерального штаба, но, тем не менее, почти все начальники этих отделов вынуждены были обращаться к начальнику Генерального штаба с личным докладом и за подписью необходимых распоряжений.

Моим ближайшим сотрудником по должности помощника был генерал-майор Потапов. В довоенное время он был военным агентом в Черногории, и мне не приходилось встречаться с ним. Первое мое впечатление было благоприятное, но все же еще до моего вступления в должность у меня зародилось легкое недоверие к этому человеку. Мне казалось, что с одной стороны он стремится к назначению за границу, чтобы уйти от революционного хаоса, с другой стороны я был осведомлен о его связи с партией большевиков через своего собственного род-

Князь Г.Н. Туманов

ного брата¹⁶⁰. Брат этот был арестован при подавлении большевистского восстания летом 1917 года и лишь благодаря усиленным хлопотам генерала Потапова был освобожден и, по видимому, продолжал свою политическую деятельность¹⁶¹. Генерал Потапов был оценен в руководящих верхах большевиков, как мне и пришлось в этом убедиться, что будет видно из дальнейшего моего рассказа.

В лице начальников отделов я встретил много своих друзей и знакомых по моей службе в Генеральном штабе, в нашей академии и военных училищах, где я преподавал в период после японской войны — до начала Великой войны 1914 года.

Среди старых приятелей я нашел П.Ф. Рябикова¹⁶², Гиссера¹⁶³, Калишевского¹⁶⁴, моего товарища по академии — Водара¹⁶⁵, старого приятеля

¹⁶⁰ Марушевский неточен. Большевиком был двоюродный брат Н.М. Потапова М.С. Кедров.

¹⁶¹ Эти сведения не соответствуют действительности.

¹⁶² Павел Федорович Рябиков (24.03.1875–27.08.1932) — генерал-майор. Помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ. 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с 10.1917).

¹⁶³ Георгий Георгиевич Гиссер (03.01.1872—не ранее 1934) — генерал-майор. 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с 06.1917).

¹⁶⁴ Анатолий Иосифович Калишевский (28.03.1870–01.04.1937) — генерал-майор. Начальник эвакуационного и по заведыванию военнопленными отдела ГУГШ.

¹⁶⁵ Владимир Владимирович Водар (30.04.1875—после 1940) — генерал-майор. 1-й обер-квартирмейстер ГУГШ. Как и Марушевский, он окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1902 г.

Генерал П.Ф. Рябиков

по маньчжурским полям Якимовича¹⁶⁶ и много других причисленных, прикомандированных из строевых частей и не состоящих в Генеральном штабе. Из новых для меня лиц в Генеральном штабе я познакомился с полковником Раевским¹⁶⁷, работу которого я оценил в самое короткое время, с полковником Клерже¹⁶⁸ и полковником Жихором. По поводу этого последнего мне придется сказать несколько слов, но еще раньше я должен оговориться, что я не знаю дальнейшую судьбу моих сотрудников, за исключением Рябикова, умершего в Праге, и потому не рискую говорить о[б] их службе. Может быть они приспособились к новому режиму, и служба их в старом Генеральном штабе не послужит им на пользу. П.Ф. Рябикова нет в живых, и потому я могу открыто сказать, что он отлично справлялся с делом разведки (не контрразведки). Отдел этот был вынесен для удобства из здания управления и помещался в особом доме, на одной из улиц Петрограда, называть которую не хочу.

Несколько слов о Жихоре. Мне пришлось познакомиться с ним еще по вопросу о моем назначении в Италию. При первом же знакомстве он поразил меня своей невоспитанностью, своим внешним видом и даже грубостью. Как можно было назначать подобного штаб-офицера на

¹⁶⁶ Александр Александрович Якимович (25.05.1873—не ранее 1931) — полковник, генерал-майор (с 09.10.1917). И.д. помощника начальника эвакуационного и по заведыванию военнопленными отдела ГУГШ.

¹⁶⁷ Михаил Федорович Раевский (29.01.1879—?) — полковник. Помощник обер-квартирмейстера ГУГШ.

¹⁶⁸ Георгий Иосифович Клерже (07.04.1883—1938) — полковник. Делопроизводитель ГУГШ.

должность по сношению со всеми иностранными миссиями, мне неясно. Вероятно, большинство лучших офицеров Генерального штаба были на фронте, и только при недостатке выбора пришлось довольствоваться Жихором. Кроме этих своих достоинств, он еще и обрабатывал писарскую среду самыми демагогическими приемами. Нечего и говорить, что я предполагал все это изменить в ближайшее время.

Теперь хочу сказать два слова о, так сказать, стариках. Начальником военных сообщений был генерал Пестржецкий¹⁶⁹. Это был знаток своего дела. Приезжал он ко мне с огромною папкою дел к докладу и, искренне говорю, я чувствовал себя глубоко стесненным принимать эти доклады от человека много старше меня по службе, знавшего в деталях дело, о котором я сам, говорю откровенно, имел смутные понятия. Какая ужасная ошибка всех политических переворотов гнаться непременно за молодыми силами, не считаясь ни с опытом, ни со специальною подготовкой. Чтобы руководить отделом военных сообщений, я должен был бы провести, по меньшей мере, много месяцев на должности начальника Генерального штаба, чтобы изучить это сложное дело в деталях. Когда вспоминаешь, что на посту военного министра находился Верховский, всего два года назад занимавший место старшего адъютанта штаба бригады¹⁷⁰; что должность командующего войсками в Петрограде была представлена какому-то молодому полковнику Полковникову¹⁷¹; что на должность командующего войсками Казанского военного округа ехал в этот момент молодой капитан Архипов¹⁷², — то отдаешь себе отчет в глубине пропасти, в которую валилась армия, в то время как неприятель продвигался с каждым днем к самым жизненным центрам России.

Должность заведующего подготовкой к демобилизации занимал пожилой генерал Постовский¹⁷³, бывший генерал-квартирмейстер

¹⁶⁹ Марушевский вновь неточен в отношении возраста своих сослуживцев. М.И. Пестржецкому тогда было всего 48 лет, и «стариком» он не был.

¹⁷⁰ А.И. Верховский в 1913–1915 гг. действительно служил старшим адъютантом штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады.

¹⁷¹ *Георгий Петрович Полковников* (23.02.1883–03.1918?) — полковник. Главкомандующий (с 04.09.1917) войсками, затем (с 16.09.1917) — главный начальник Петроградского военного округа. Снят с должности (25.10.1917).

¹⁷² *Михаил Николаевич Архипов* (16.11.1885–10.02.1972) — полковник. Командующий войсками Казанского военного округа (на 10.1917).

¹⁷³ *Петр Иванович Постовский* (22.09.1857–?) — генерал-лейтенант. Управляющий делами Главного комитета при ГУГШ по предоставлению отсрочек военнообязанным по призывам в армию в текущую войну. В 1914 г. — и.д. начальника штаба 2-й армии. Участник похода в Восточную Пруссию. Сумел выйти из окружения вместе с группой штаба армии.

несчастной армии Самсонова¹⁷⁴. Это был офицер Генерального штаба старой бюрократической формации. Делал он свое дело отлично и впоследствии даже заслужил признательность большевиков за свои работы, что весьма понятно, так как вся пропаганда направлялась к окончанию войны, во что бы то ни стало.

Мне тоже было несколько совестно принимать с докладом этого почтенного, уже седого генерала. Он был безукоризнен в смысле корректности в отношении ко мне. Я не могу не вспомнить одного его выработанный долгой практикой жеста, чтобы мгновенно снимать и одевать очки, не прерывая ни на одну секунду своего доклада.

Я хочу упомянуть еще полковника, заведующего военно-топографическим отделом. Фамилию его я забыл, скажу только, что это был один из выдающихся офицеров корпуса военных топографов¹⁷⁵. Весь его отдел с драгоценными запасами карт и материалов подлежал эвакуации в дальние центры ввиду серьезной опасности, угрожавшей Петрограду. Эвакуация эта уже частично началась, и большая часть запасов была вывезена, сколько помнится, в Казань.

С памятного дня 12 сентября мой день начинался с 9 часов утра и постепенно увеличивался перенесением начала занятий на 8½ часов, на 8 и даже ранее. Я помню, как один из моих докладов военному министру был назначен в 5½ часов утра.

День начинался бесконечными докладами начальников отделов, причем огромное количество приносимых мне материалов я задерживал, чтобы работать с ними дома. Часть приемов просителей я возложил на Потапова и ограничил приемы известными днями.

По срочным делам доклады приходилось прерывать и принимать тех лиц, которых нужно было видеть.

После небольшого перерыва на завтрак в послеполуденное время приходилось посещать многочисленные совещания у военного министра или в Совете республики¹⁷⁶ в Мариинском дворце, или в Совете обороны... Попозже надо было выкраивать время для докладов, на которые не было времени утром.

---

¹⁷⁴ Александр Васильевич Самсонов (02.02.1859–17.08.1914) — генерал от кавалерии. Командующий 2-й армией (1914). Попал в окружение в Восточной Пруссии и застрелился.

¹⁷⁵ Военно-топографическим отделом ГУГШ в 1917 г. руководил генерал-майор Андрей Иванович Аузан (22.03.1871–23.03.1953).

¹⁷⁶ Временный совет Российской республики или Предпарламент — совещательный орган при Временном правительстве, существовавший с 20 сентября по 25 октября 1917 г.

Обед поздний — часов около восьми. После обеда до глубокой ночи, поскольку силы позволяли, — чтение всех материалов, сложенных еще утром докладчиками на моем письменном столе.

Коротко говоря, с 12 сентября 1917 года я не имел буквально ни одной минуты времени для себя и для отдыха. Я невольно задавал себе вопрос — на сколько времени хватит моих физических сил.

Вступая в должность, я по своей строевой практике решил прежде всего ознакомиться с условиями жизни моих самых малых сотрудников, то есть писарей, нестроевых, топографов из нижних чинов, вахтеров, телефонистов и т.д. Все эти люди составляли команду более 1000 человек и населяли самый верхний этаж управления до чердаков включительно. Мое появление в помещении этой команды произвело большое впечатление. Заведующий этой командой прежде всего доложил мне, что прежде этого не делалось и ни один из моих предшественников не посещал эти помещения. То, чего я ожидал — то в этих помещениях я и нашел. Комнаты толком не убирались. Белье грязное. Питьевой воды нет в достаточном количестве. Фильтры не действуют. Кипяток не выдается. Артели для организации продовольствия не существуют, и все эти чины вместо готовой пищи получают положенные деньги на руки и питаются — Бог знает чем. Всем этим беспорядком заведовал писарской комитет. Конечно — комитет! Как же могли писаря, так сказать «цвет» солдатской образованности, обойтись без выборного комитета после завоевания революционных свобод? Я сразу наложил руку на весь этот кавардак; я потребовал от комитета полной работы по организации жизни и продовольствия этой заброшенной команды и, как это ни странно, встретил полное одобрение в моих мерах со стороны всех нижних чинов. Вероятно, мои меры были поняты как шаги чисто «революционного» характера, тогда как я действовал просто по привычке еще в полку — заботиться, прежде всего, о животах моих солдат. Кстати сказать, эти мои первые шаги в управлении создали мне известного рода популярность и сослужили мне большую службу, как увидим впоследствии.

В смысле мер по реорганизации службы в самом управлении я решил приступить к мерам по децентрализации обязанностей начальника Генерального штаба, для чего, прежде всего, требовалось расширить права и компетенцию всех начальников отделов. На первых шагах моей службы я был задушен мелочами, которые легко могли разрешаться без моего авторитета

В этих целях я наметил проект создания должности 2-го помощника начальника Генерального штаба и предполагал взять на эту должность

полковника Голеевского, моего товарища и друга, с производством его в генерал-майоры.

Этот мой проект встретил жестокую оппозицию со стороны генерала Потапова. Мне было доложено о неблагоприятных слухах около имени Голеевского за время его деятельности в Америке на посту нашего военного агента¹⁷⁷. Потапов сообщил мне, что имея отношение к поставкам вооружения и снабжений — Голеевский не только приобрел большие средства, но даже обзавелся крупной недвижимой собственностью в Америке.

Я ответил Потапову, что проектов моих я изменять не буду, но после его заявления считаю долгом произвести немедленно расследование и дело о Голеевском предписываю передать в особую следственную комиссию, работавшую в это время по делам этого свойства. Я заявил Потапову, что всем этим слухам не придаю значения, а к Голеевскому имею неограниченное доверие.

На том мы и порешили, а пока полковник Голеевский был прикомандирован к управлению и фактически сделался моим вторым помощником. В этот же период в мое распоряжение прибыл полковник Дурново¹⁷⁸, состоявший при мне еще в штабе войск гвардии. Я предполагал поручить ему все сношения с иностранными миссиями и изъять из этой неподходящей ему сферы полковника Жихора.

Этими преобразованиями приходилось ограничиться на первое время, так как к каждой мере надо было подходить с большою осторожностью, постепенно знакомясь с громадным материалом, с множеством текущих дел, осложненных до крайности революцией, бушующей, так сказать, под моими окнами.

Приходилось подумать и о мерах общего порядка для обуздания совершенно распущенной и потерявшей всякий облик солдатни. Как уже известно, город был забит до отказа запасными батальонами частей гвардии, по соседству с Петроградом — в Красном селе — квартировали десятки тысяч запасных батальонов для пополнения армейских частей. Слабо снабженные офицерским составом батальоны эти представляли из себя громадную опасность для столицы и одновременно не отвечали потребностям фронта. Фронт настаивал на необходимости иметь запасные части для каждого полка в распоряжении командира этого

¹⁷⁷ Н.А. Голеевский был военным агентом в Северо-Американских Соединенных Штатах в 1912–1916 гг.

¹⁷⁸ Правильно — подполковник. *Петр Петрович Дурново* (01.03.1885 — 13–15.02.1945) — подполковник. В распоряжении начальника Генерального штаба (с 19.12.1917).

полка. Я помню, как горячо я настаивал на этой мере сам еще в начале 1916 года, находясь в отпуску в Петербурге. Я не требовал никаких средств, я указывал, что я получаю запасных из, так сказать, общих запасных батальонов — совершенно не обученными и полуодетыми. Я говорил, что мои раненые и заболевшие стрелки — вместо того, чтобы вернуться по выздоровлении ко мне — попадают в другие части. В смысле дезорганизации вопроса запасных довольно сказать, что в моем обозе зимой существовала команда «босых», сформированная из запасных, присланных без сапог.

Никакие доклады не помогли, а гвардейские запасные батальоны составили, как известно, ядро бунта в Петрограде, превратившегося в «русскую бескровную революцию».

Над этой развращенной толпой царил «Совет рабочих и солдатских депутатов», состоявший в решительной оппозиции ко всем мерам, ведущим к восстановлению порядка и дисциплины. Штаб округа, при моем ознакомлении с его деятельностью — шел по пути митингов и всевозможных завоеваний революции. Рассчитывать на этот штаб не приходилось и надо было, видимо, искать каких-то новых мероприятий.

Ни запасные части, ни казачьи полки, квартировавшие в столице, не давали никаких надежд на опору в случае открытого восстания, которого приходилось ждать в скорейшем времени.

В моем распоряжении находился молодой офицер Генерального штаба, имя которого называть не хочу. Этот офицер прошел уже через опыты всех завоеваний революции, начиная с марта, и потому был отлично осведомлен о положении петроградского гарнизона. Близко зная этого офицера и его блестящие дарования, я решил обратиться к его сотрудничеству в задуманном мною проекте, осуществление которого было сопряжено, как увидим, с большими трудностями.

Я проектировал собрать ядро совершенно надежных, отборных солдат, на которых существующая власть могла бы опереться в нужную минуту. Для этого мною задумано было создание «унтер-офицерской школы», которая в короткое время могла собрать несколько батальонов отборных солдат под руководством лично мною отобранных кадровых офицеров. Организация этой [школы] в самом Петрограде была немислима. Нечего и говорить, что вся разлагающая пропаганда была бы направлена на моих солдат, и я был бы бессилен в столице отгородить мои отборные кадры от влияния пресловутого «Совета рабочих и солдатских депутатов». Я решил вынести эту школу из столицы и для этого

наметил небольшой г. Тихвин на Вологодской железной дороге в двух часах от Петрограда.

Осуществление моих проектов я поручил моему молодому сотруднику подполковнику, назову его буквой Б., который избрал себе двух помощников, тоже лично мне известных.

Это маленькое ядро я поместил в небольшой комнате, прилегавшей к моему кабинету. Пройти в эту комнату можно было лишь через мой кабинет, и таким образом вся работа комиссии полковника Б. была застрахована от нескромных глаз и болтовни. Нечего и говорить, что осуществление моих планов требовало больших средств. Сам я располагал лично так называемым черногорским кредитом в несколько миллионов рублей, но помнится, что для моей школы я достал средства из канцелярии военного министерства через начальника канцелярии генерала Сурина¹⁷⁹, которого я знал и помнил еще с мирного времени. Так или иначе, но моя комиссия получила 1 миллион рублей; с этими средствами можно было приступить к работе.

Мне было бы трудно по памяти и без архивов дать понятие о всех текущих вопросах, которые были в обработке и ожидали моих распоряжений или приказов военного министра. Тут была и ликвидация огромного военного материала, застрявшего на границе Швеции, и срочные распоряжения по упорядочению движения по железным дорогам, и планы перевода всего управления в Москву, и новые формирования, и проект дислокации армии в Константинополе! и на берегах Босфора...

К чему было бы писать об этих уже тогда мертвых вопросах? Вся эта работа была уже тогда невыполнима и катилась лишь по инерции, полученной в нормальное время, в период до мартовской революции. Военные материалы расхищались, поезда были забиты дезертирами, сидевшими даже на крышах вагонов, армия представляла из себя толпу, избивавшую своих офицеров.

Все разумные и обработанные доклады моих сотрудников мне казались тогда, выражаясь «тактической» формулой, «покушениями на подвиг с недостаточными средствами».

Жизнь опередила тогда все эти благие начинания, революция требовала новых решений, но вместе с тем нельзя было остановить эту работу «в холостую», так как остановившуюся машину невозможно было снова пустить в ход, благодаря бушующей революции.

¹⁷⁹ Виктор Ильич Сурин (11.04.1875–18.03.1967) — генерал-майор. И.д. начальника канцелярии Военного министерства (1917).

Генерал М. Жанен

V. Иностранные миссии. Генерал Ниэссель и Жанен. Англичанин Нокс. Поляки

Как-то еще до моего назначения начальником Генерального штаба я встретил у самого подъезда гостиницы «Астория» генерала Ниэсселя¹⁸⁰ в разговоре с генералом Жанен¹⁸¹. Я отлично знал обоих и сердечно обрадовался этой встрече. Старый приятель Жанен! В период моих работ на кафедре нашей Военной академии французский полковник Жанен был прикомандирован в академию в качестве «stagier»¹⁸² а и часто присутствовал на моих лекциях и занятиях по тактике. Все мы дружески относились к представителю мощной союзнической армии, и он был всегда любимым гостем в нашей «профессорской». Во время войны он был во главе французской военной миссии при Ставке главнокомандующего и, кажется, пользовался особым вниманием государя

¹⁸⁰ Правильно — Ниссель. *Анри Альбер Ниссель* (24.10.1866–26.12.1955) — французский генерал. Начальник французской военной миссии в России.

¹⁸¹ *Морис Жанен* (19.10.1862–28.04.1946) — французский генерал. Французский военный представитель при Ставке Верховного главнокомандующего в России.

¹⁸² Стажера (*фр.*). М. Жанен стажировался в России впервые в конце 1892 г., когда изучал русский язык. В 1910–1911 гг. он в чине подполковника стажировался в Императорской Николаевской военной академии. Подробнее см.: *Гагкуев Р.Г.* Генерал М. Жанен и его дневники и воспоминания о России // *Жанен М.* С миссией в воюющей России. 1916–1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918–1920 гг. Воспоминания, дневники, статьи / Под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2023. С. 11, 14.

Генерал А.А. Ниссель

императора и даже — любовью маленького наследника¹⁸³. Что касается генерала Ниэсселя — я встретился с ним в Mailly-le-Camp на французском фронте и был радостно удивлен видеть его в Петербурге.

Оба они сообщили мне, что Жанен отзывается во Францию, а Ниэссель становится во главе французской военной миссии в нашей столице. Как выяснилось много позже, французское командование в намерениях спасти русскую военную силу сочло неуместным дальнейшее пребывание Жанена в России после отречения государя и послало на его место генерала Ниэсселя, республиканский образ мыслей которого был известен в высших сферах во Франции. И действительно, как мне пришлось убедиться, Ниэссель в короткое время завоевал доверие в революционных кругах, стоявших за продолжение войны, и особенно тесно сошелся с известным Савинковым¹⁸⁴, в то время стоявшим во главе революционного гарнизона столицы. Здесь мне хочется несколько отойти в сторону от моего повествования и обратить внимание читателя на переживания лучших представителей армии, на глубокий слом их душ, на полный переворот в их мыслях, верованиях, опытах. Савинков! Организатор

¹⁸³ *Алексей Николаевич* (12.08.1904–17.07.1918) — наследник цесаревич и великий князь. Сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

¹⁸⁴ *Борис Викторович Савинков* (19.01.1879–07.05.1925) — эсер, террорист, революционный деятель. Товарищ военного министра Временного правительства (07–08.1917), военный губернатор Петрограда и исполняющий обязанности командующего войсками Петроградского военного округа (27–30.08.1917).

Генерал А. Нокс

убийства вел[икого] князя Сергея, родного дяди государя¹⁸⁵. Еще вчера преступник — сегодня начальство, облеченное огромной властью. Ясно, что офицерство не могло переродиться в течение нескольких месяцев и лишь самые отрицательные элементы шли за революцией, частью по своей ограниченности, частью из-за чистого оппортунизма.

Возвращаюсь к рассказу. Почти что немедленно я получил приглашение Ниэсселя к завтраку в той же гостинице, где я познакомился с майором Мон-Марэн (может быть, он был подполковником)¹⁸⁶, состоявшим при генерале. На этом завтраке была и моя жена, и мы провели весьма приятные полтора-два часа, вспоминая Французский фронт и обмениваясь мыслями по окружавшей нас обстановке.

Назначение мое уже не было секретом, и я позволяю себе думать, что генерал Ниэссель был рад случаю встретиться со мною, так как уже по Франции знал меня как яркого поборника продолжения войны.

Что касается меня — я видел в лице Ниэсселя представителя той армии, с которой я сроднился за год моей боевой работы во Франции... ар-

¹⁸⁵ *Сергей Александрович* (29.04.1857—04.02.1905) — великий князь, сын императора Александра II. Московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа. Взорван членом боевой организации партии эсеров И.П. Каляевым. Одним из организаторов покушения был Б.В. Савинков.

¹⁸⁶ *Монмарен* — подполковник, заместитель начальника штаба французской военной миссии в Петрограде. Выражаю благодарность к.и.н. Ю.М. Галкиной за предоставленные сведения.

мии, которая уже тогда верными шагами шла к победе, армии, которую я не только почитал, но и искренно любил. Легко понять, что в Ниэсселе я видел точку опоры и верного сотрудника в деле оздоровления русской армии, совершенно расшатанной революцией.

В составе миссии генерала Niessel находился commandant Lelong¹⁸⁷, недавно прибывший из Франции, где он состоял при штабе 1-й Русской бригады. Я был в наилучших отношениях с Lelong'ом и именно с ним меня судьба свела в моих приключениях в Петрограде, затем в Финляндии и даже на Севере России¹⁸⁸.

Что касается глубоко почитаемого мною генерала Ниэсселя, то мои отношения с ним продолжают и по сей день, и новая война¹⁸⁹, и встречи его с моей женою в тяжкий период оккупации Франции еще крепче связали нас в последние года.

Очень скоро после моих встреч с генералом Ниэсселем мы оба были приглашены к завтраку к военному министру Верховскому. Странный был этот завтрак! Помнится, что в отношениях Ниэсселя к Верховскому не было ни малейшей искренности. Да и понятно! Ниэссель ставил все на продолжение войны, а Верховский уже тогда вел двойную игру с большевиками и, конечно, был уже в курсе предстоящих мирных переговоров. Об этом завтраке больше и сказать нечего. Немного позже мне пришлось пережить, я и хочу сказать именно «пережить», завтрак у французского посланника Noulens'a¹⁹⁰. К завтраку были приглашены: Верховский, новый командующий войсками Петербургского¹⁹¹ округа полковник Полковников и я. Мы были радушно встречены в роскошном дворце посольства на набережной Невы всеми членами посольства и миссии генерала Ниэсселя. За отличным завтраком, сервированным со всеми тонкостями французской кухни, несмотря на искреннее радушие посланника — беседа так и не вышла из рамок полуофициальной болтовни. Верховский в своей двойной игре избегал заявлений о продолжении войны, Полковников, не говоря ни звука по-французски, упорно молчал, а я сам должен был ограничиваться общими фразами, так как

¹⁸⁷ А. Лелонг — французский офицер Генштаба, капитан, майор. В дальнейшем — участник интервенции на Севере России.

¹⁸⁸ Моя книга: «Год на Севере» (прим. В.В. Марушевского). Речь идет об уже упоминавшихся воспоминаниях: *Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Летопись Белой борьбы.* Берлин, 1927. Т. 2. С. 21—61; Т. 3. С. 15—52.

¹⁸⁹ Вторая мировая.

¹⁹⁰ Жозеф Нуланс (29.03.1864—09.09.1944) — посол Франции в России (1917—1919).

¹⁹¹ Здесь и далее правильно — Петроградского.

А.И. Дутов. 1918 г.

мой откровенный разговор привел бы к открытому разрыву с Верховским, что не входило в мои виды, да, вероятно, не отвечало и проектам моих французских друзей.

В этот же период времени как-то в мое управление явился ко мне и представился Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник Дутов¹⁹². Горячий, искренний он заинтересовал меня своими информациями о настроениях полков Оренбургского войска, и я решил, что в нашей работе на продолжение войны будет крайне полезно познакомиться Дутова с генералом Ниэсселем. Я пригласил генерала Ниэсселя к завтраку у меня в доме, и на этот завтрак позвал еще князя Владимира Михайловича Волконского, бывшего товарища председателя Государственной Думы, и самого Дутова.

Завтрак прошел в интересной беседе, но, к сожалению, хорошее впечатление было нарушено несдержанностью самого Дутова. Он выпил целую бутылку коньяку, и, конечно, сдержанные французы не могли с доверием отнестись к этому полупьяному воину. Думаю я, что несдержанность во всех белых армиях много способствовала неуспеху в их героической борьбе. Этот завтрак не обошелся и для меня без некоторых затруднений. Благодаря моей кухарке и ее брату, завязаному полу-

¹⁹² Александр Ильич Дутов (05.08.1879—07.02.1921) — войсковой старшина, полковник (с 16.10.1917; впоследствии — генерал-лейтенант). Председатель Совета Союза казачьих войск. Чрезвычайным Войсковым кругом Оренбургского казачьего войска избран Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска (01.10.1917).

грамотному большевику, описание моего завтрака появилось во многих газетах с явными искажениями, трактовавшими нашу беседу как призыв к контрреволюции.

С этих дней отношения мои с французской военной миссией стали еще теснее. Я не раз вызывал к себе майора Лелонга и через него получал возможность держать связь с генералом Ниэсселем, знать положения на Западном фронте и иметь ценные сведения о Германии.

Мое знакомство с представителем английской армии генералом Ноксом¹⁹³ в этот период ограничивалось беседами, имеющими общий характер. Кстати, скажу — он свободно владел русским языком, что давало возможность обмениваться с ним мнениями, не стесняясь присутствием переводчика. О генерале Ноксе речь впереди; я поговорю о нем после описания мною дней большевистского переворота.

В один из дней уже близких к перевороту меня посетил мой старый товарищ по академии, польской службы генерал-лейтенант Иосиф Романович Довбор-Мусницкий¹⁹⁴.

Когда-то мы были близки, и он даже был женихом моей двоюродной сестры. Свадьба эта не состоялась, а наша служба разбросала нас по разным окраинам России. В этот период Довбор командовал 2-м Польским корпусом и, видимо, мучился в водовороте польских интриг, в неясном положении польских формирований Пилсудского¹⁹⁵, в сложных настроениях, созданных революцией. Положение новых польских формирований при полной оккупации Польши немцами и революционной разрухе России поистине было странное. В своих столкновениях с русскими, развращающее влияние которых уже сказывалось в польских войсках, Довбор не раз хотел подавать в отставку. В Петрограде в этот момент были лишь небольшие польские формирования, которыми впоследствии воспользовались французы для охраны посольства и военной миссии.

Кажется мне, что Довбор не добился никакого толка в своих исканиях в красной столице и, махнув рукою, вернулся к своему корпусу

¹⁹³ *Альфред Уильям Фортескью Нокс* (30.10.1870–09.03.1964) — британский генерал-майор. Военный атташе Великобритании в России.

¹⁹⁴ *Иосиф Романович Довбор-Мусницкий* (25.10.1867–26.10.1937) — генерал-лейтенант. Один из руководителей организации польских войск в России. Командир I Польского стрелкового корпуса (23.08.1917–22.05.1918). В тот период Довбор-Мусницкий еще не находился на польской службе.

¹⁹⁵ Правильно — Пилсудский. *Юзеф Пилсудский* (05.12.1867–12.05.1935) — польский революционер и государственный деятель. Руководитель формирования польских легионов для борьбы за независимость Польши от России. Впоследствии — начальник Польского государства.

Генерал И.Р. Довбор-Мусницкий

где-то на юге. Впоследствии Довбор перебрался в Польшу, но интриги сторонников Пильсудского сломали его карьеру, и он скончался в своем имении незадолго до Второй Великой войны.

Побывал у меня и польский представитель Ледницкий¹⁹⁶, в хлопотах уже не помню каких, касающихся польского формирования.

VI. Накануне переворота

Между тем уже в самом начале октября политическая обстановка была в полном смысле трагическая. Совет рабочих и солдатских депутатов был в открытой связи с Берлином¹⁹⁷. Большевистская ячейка имела своих агентов в самой столице наших неприятелей и открыто поддерживала связь с ними с помощью простых, даже не зашифрованных телеграмм.

Моя контрразведка доставляла мне все копии с этих телеграмм, но я лишен был возможности наложить руку на это предательство.

Военный министр Верховский вел двойную игру и был в связи с большевистствующим советом. Когда поднялась в прессе кампания про-

¹⁹⁶ Александр Робертович Ледницкий (15.07.1866—11.08.1934) — юрист, политический деятель и дипломат. Председатель Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского (1917). Один из руководителей польских комитетов в России.

¹⁹⁷ Предположение Марушевского, не подкрепленное документально. На самом деле Петросовет в октябре 1917 г. занимался вопросом организации обороны Петрограда от немцев.

Генерал Н.Н. Духонин

тив меня, он, дорожа моим сотрудничеством, заявил, что стоит ему сказать только слово и все успокоится и будет в порядке. Связь Верховского с председателем совета Чхеидзе¹⁹⁸ была, видимо, приятельская, и моя травля в газетах действительно прекратилась.

Помощники Верховского генералы Якубович и князь Туманов открыто говорили о предстоящем «перевороте» и не скрывали, что весь существующий режим будет скинут.

Временное правительство проводило время в какой-то лихорадочной болтовне. Я не раз посещал эти правительственные совещания то в Зимнем, то в Мариинском дворце, и каждый раз выходил оттуда, оглушенный потоками болтовни и бесконечных споров.

В один из дней, близких к перевороту, в Петроград приехал, так сказать, главнокомандующий генерал Духонин¹⁹⁹. Я намеренно пишу «так сказать», так как несчастный Духонин попал на этот пост после всех арестов участников корниловского движения. Мы были товарищами по курсу в Военной академии. Старательный, скромный офицер

¹⁹⁸ Мемуарист неточен. Н.С. Чхеидзе оставил пост председателя Исполкома Петровета 6 сентября 1917 г. Его преемником с 7 сентября стал Л.Д. Троцкий. *Николай Семенович Чхеидзе* (09.04.1864—11.06.1926) — грузинско-российский политический и государственный деятель.

¹⁹⁹ *Николай Николаевич Духонин* (01.12.1876—20.11.1917) — генерал-лейтенант. Начальник штаба Верховного главнокомандующего. Вр.и.о. Верховного главнокомандующего (с 01.11.1917).

Л[ейб-]гв[ардии] Литовского полка, не подававший никаких надежд на выдающуюся карьеру, Духонин ничем себя не проявлял в нашей дружной академической семье. Его карьера во время войны осталась мне неизвестной, но думаю я, что, вероятно, он держался по своей скромности в стороне от корниловского движения, что, в свою очередь, сошло ему репутацию в глазах «всемогучего» Керенского.

По приезду Духонина было созвано совещание в покоях Керенского в Зимнем дворце. На это совещание был приглашен и я.

Здесь мне пришлось в первый раз встретиться с Керенским. «Наконец-то я Вас вижу», — приветствовал меня «всемогучий диктатор[»]. Совещание наше, помнится, не привело ни к каким результатам. Да и что можно было предложить? Только что зародившееся здоровое движение Корнилова было втоптанно в грязь. Какие бы то ни было меры к обузданию пресловутого Совета рабочих и солдатских депутатов были бы приняты как открытая контрреволюция. Сам Керенский знал и чувствовал определенную антипатию к нему в старых офицерских кругах.

Духонин при встрече со мною тоже не был искренним. Вероятно, он полагал, что мое назначение на пост начальника Генерального штаба было связано с какими-нибудь революционными заслугами, но, во всяком случае, он воздержался говорить со мною с полной откровенностью. У меня осталось впечатление только от трескучей болтовни Керенского при определенной сдержанности Духонина.

Это была моя единственная, слава Богу, встреча с Керенским.

В этот период в Петроград прибыл Николай Николаевич Головин²⁰⁰. Меня связывало с Головиным и наше прошлое в штабе войск гвардии²⁰¹, и наша работа в Николаевской военной академии²⁰², и мое пребывание в VII-й армии, где он был начальником штаба²⁰³, и, наконец, мое командирование во Францию по его первой инициативе.

Мне вспоминается утро в селении Немеринцах на австрийской границе, где я получил от Головина телеграмму с предложением получить

²⁰⁰ Генерал-лейтенант Н.Н. Головин являлся тогда и.д. начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта. Затем находился в распоряжении министра-председателя Временного правительства и Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского.

²⁰¹ Н.Н. Головин служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в 1905 г.

²⁰² Н.Н. Головин служил в Николаевской академии Генерального штаба в 1908—1914 гг.

²⁰³ Н.Н. Головин служил начальником штаба 7-й армии в 1915—1917 гг.

в командирование бригаду, идущую во Францию. Я не задумывался. Я немедленно ответил согласием с горячим ходатайством о назначении.

До последнего времени Головин был начальником штаба главнокомандующего на Румынском фронте. Я не знаю, почему он покинул этот пост. Знаю лишь, что генерал Щербачев²⁰⁴ хотел просить о назначении на место Головина меня самого, но как раз в это время я был назначен начальником Генерального штаба. Все к лучшему, а может быть — и к худшему.

В это же время, то есть в октябре, в Париже собиралось совещание представителей всех союзных армий. Нельзя было и найти лучшего представителя от русской армии, чем Головин. Я предложил ему этот пост, но Николай Николаевич под впечатлением разрухи в армии категорически отказался. Он почти немедленно исчез из Петербурга и следующие мои встречи с ним происходили уже в эмиграции.

В двадцатых числах октября в Петербург приехал мой старый друг Сергей Иванович Одинцов²⁰⁵, мой товарищ по академии, по Маньчжурской войне, не считая моих встреч с ним в юношеские годы. Не могу не вспомнить его лихую службу на войне, его решительность и всегдашнюю безудержную²⁰⁶ жизнерадостность.

После японской войны Сережа занялся воздухоплаванием, в ту эпоху еще на воздушных шарах. Наши тогдашние воздушные герои летали лишь над окрестностями Петербурга. Сережа, чуть не в первый раз попав на шар, перелетел из Петербурга в Крым за один перелет²⁰⁷. В истории нашего воздухоплавательного парка этот перелет был событием. В эпоху революции Одинцов в чине полковника командовал одним из дальневосточных казачьих полков. Явившись ко мне, Одинцов с первых же слов предложил мне ввести свой полк в Петербург и «разогнать» Совет солдатских и рабочих депутатов. Это было так по-детски наивно в той обстановке, при наличии уже сформированных банд

²⁰⁴ *Дмитрий Григорьевич Щербачев* (06.02.1857—18.01.1932) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Командующий 7-й армией (1915—1917). Помощник Августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта (1917—1918).

²⁰⁵ *Сергей Иванович Одинцов* (02.07.1874—08.09.1920) — генерал-майор. В распоряжении начальника Генерального штаба.

²⁰⁶ В тексте — безудержанную.

²⁰⁷ 11—13 сентября 1910 г. С.И. Одинцов на аэростате «Треугольник» совершил перелет Санкт-Петербург — Таганрог, установив всероссийский рекорд продолжительности полета — 40 часов 3 минуты. 21 сентября 1910 г. он же совместно с Н.А. Рыным установили рекорд высоты подъема на воздушном шаре 6350 м.

Красной армии²⁰⁸, при полной революции в многочисленных полках гарнизона, что мне оставалось только посмеяться над решительностью моего друга.

По моему совету Одинцов нашел какие-то связи в Совете рабочих и солдатских депутатов и в самое короткое время оказал мне огромные услуги.

Утром 24 октября я из окна моей квартиры увидел странное зрелище. На площадь перед Зимним дворцом со стороны Дворцового моста входила отличная воинская часть. Я видел стройную колонну, которая отчетливо «отбивала» шаг. Я поторопился накинуть пальто и выйти на улицу. Подхожу ближе и ближе. К моему восторженному удивлению воинская часть оказалась женским батальоном, сформированным попечениями Петербургского округа. Все это были молодые женщины и девушки. Вид у них был решительный и необычайно воинственный. Батальон был вызван для охраны правительства, собравшегося в Зимнем дворце.

Казалось, ни у кого не было сомнения, что политический переворот наступил, лица, близкие к Совету р[абочих] и с[олдатских] депутатов, начали уже разбегаться. Первым сбежал военный министр Верховский. Он, видите ли, уехал на Валаам, в известный монастырь на Ладожском озере. В управление министерством вступил умный, но не очень решительный генерал Маниковский²⁰⁹.

Утром 24-го я снова вышел на площадь. Родная моя площадь, самое красивое место в столице, была наполовину заставлена штабелями дров, все в грязи и пыли. Через камни мостовой пробивается трава.

Я перешел площадь и вошел во дворец в залу заседания правительства. В короткий момент я убедился, что свержение этого правительства неизбежно. Помнится, что уже в этот день Керенский исчез. Во всяком случае, я его не видел в этот, казалось бы, столь решительный день.

Тут же я узнал, что оборона города и правительства находится в руках штаба округа, то есть, что мне не остается ничего другого делать, как ждать событий, сложа руки. Не могу не подчеркнуть преступное поведение Верховского в эти дни. Позорно удрать из столицы вместо ее защиты. Оставить эту столицу в руках, можно сказать, мальчишки пол-

²⁰⁸ Видимо, речь идет об отрядах Красной гвардии.

²⁰⁹ Военный министр А.И. Верховский после своего заявления 20 октября 1917 г. в Предпарламенте о необходимости заключить мир с Германией был фактически отстранен от дел. 21 октября он сдал должность генералу А.А. Маниковскому и отправился в отпуск на остров Валаам. В Петроград Верховский вернулся 3 ноября.

ковника Полковникова и его начальника штаба армяшки Багратуни²¹⁰ — это же преступление!

На всякий случай из дворца я решил зайти в штаб округа. Мой старый, родной, но уже заплеванной, загаженный штаб округа представлял из себя бушующее море. Там происходил митинг, залы набиты солдатами, потерявшими облик и подобие солдат, и какими-то оборванцами. Кажется, там я увидел Пальчинского²¹¹, начальника гарнизона, на месте исчезнувшего Савинкова. Пальчинский — гражданский инженер, производил впечатление решительного, по крайней мере, на словах, человека. Пальчинский вещал:

«Вы, военные, вы не знаете особенностей Гражданской войны. Вы боитесь броневых машин, находящихся в руках большевиков и сосредоточенных в Михайловском манеже. Мы заткнем манеж одним пулеметом, и все броневики останутся там!»

Правительство заседает во дворце до поздней ночи. Я по-прежнему так же, как и начальник Главного штаба, нахожусь в полной неизвестности и, не имея в руках никакой силы, кроме моих чинов Генерального штаба, то есть невооруженных нестроевых — обречен на пассивное созерцание драмы, развертывающейся перед моими глазами.

Я подошел вплотную к дню переворота, давшего России вот уже более трех десятков лет так называемое коммунистическое правительство. Может быть, в конце моего труда я сделаю очерк результатов этого более чем тридцатилетнего рабства народа. Но сейчас, как, впрочем, и в предыдущих главах, я хочу описать лишь то, что «глаза мои видели». Да простит мне читатель, если под влиянием оживших в моей памяти событий у меня вырывается временами резкое слово.

VII. 25 октября

Вот и наступил этот знаменательный день. Рано утром, вероятно, по распоряжению штаба округа в здание Генерального штаба прибыл для охраны штаба «отряд» в 17 человек (!!) юнкеров одного из военных учи-

²¹⁰ 25 октября 1917 г. генерал-майор Я.Г. Багратуни занял должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, затем был арестован большевиками и содержался в Петропавловской крепости. Освобожден 15 декабря 1917 г.

²¹¹ *Петр Иоахимович Пальчинский* (27.09.1875—22.05.1929) — горный инженер, политический деятель. Помощник генерал-губернатора Петрограда и окрестностей по гражданской части. Генерал-губернатор Петрограда (с 30.08.1917).

лиц. Кажется, в это же время юнкера, не знаю в каком составе, заняли и Зимний дворец. По Дворцовой площади с воинственным видом ходят патрули от этих несчастных мальчишек.

Я решил все же сходить в штаб округа, чтобы все же узнать, что делается в городе. В штабе округа, как и вчера, толпа народу, гам, истерические речи и беспорядок. Ничего не добившись, махнул рукой и пошел назад. Уже возвращаясь назад, обратил внимание на громаду Дворцового моста, разведенного и поставленного вертикально. Я понял, что положение серьезно. Мост развели, чтобы изолировать центр города от окраин и чтобы дать возможность пододвинуть к центру знаменитый крейсер «Аврору»²¹², известный по его верноподданническим чувствам в отношении большевиков. Кажется, что и Ленин²¹³ одно время отсиживался на Авроре²¹⁴, когда большевикам пришлось туго летом 1917 года.

Я вернулся в штаб и прошел к себе на квартиру. Успокоив своих домашних, я задумчиво глядел на любимую мою Дворцовую площадь с толпою праздно шатающегося народа. Мимо моих окон проехал старый друг мой — извозчик Степан, он же «Степанушка», как его ласково называли все мои товарищи. Степанушка, заметив меня у окна (я жил в нижнем этаже), только головой качал, жестом указывая мне на грязную толпу.

Степан проехал... и вдруг раздался лишь один ружейный выстрел. Я не успел даже глазом моргнуть, как увидел всю эту толпу, ползающую по площади на животе, на «карачках». Ах, подлые труссы!

До второй половины дня ничего не случилось, но все чего-то ждали и волновались. Около 4 часов дня со стороны телефонной централи на Морской улице послышалась сильная перестрелка, мне успели дать знать, что централь занята толпой солдат и матросов. Одновременно начальник военных сообщений также сообщил мне, что в управление ворвалась толпа каких-то оборванцев и заняла все здание.

Я накинул пальто и вышел на площадь, на самый угол, где на площадь выходит Невский проспект. Весь Невский покрыт густою толпою бушу-

²¹² «Аврора» — крейсер 1-го ранга Балтийского флота, находившийся в 1916—1917 гг. на капитальном ремонте в Петрограде. Подчинялся распоряжениям Петросовета. Матросы «Авроры» в ночь на 25 октября 1917 г. свели разведенный юнкерами Николаевский мост на Неве. Вечером 25 октября с крейсера был произведен выстрел по Зимнему дворцу (по одним данным, холостой, по другим — боевой). Подробнее см.: *Старцев В.И.* Штурм Зимнего. Документальный очерк. Л., 1987. С. 96—97.

²¹³ *Владимир Ильич Ленин (Ульянов)* (10.04.1870—21.01.1924) — революционер, политический деятель, лидер РСДРП(б).

²¹⁴ Эти сведения не соответствуют действительности.

ющего народа. На самом углу у высоких дверей, ведущих в магазин Главного штаба, стоит часовой-мальчишка — юнкер из охраняющего управление Генерального штаба караула. Достаточно свистнуть какому-нибудь негодяю, и этого мальчишку разорвут на части. Скорыми шагами иду на двор в караульное помещение и немедленно снимаю все посты и отпускаю домой... и поскорей. Весь этот охраняющий меня отряд... смешно сказать из 17 воинов. Если они и будут убиты — так не по моей вине.

Темнеет, полная тишина. Звонит телефон. Слышу боязливый голос помощника военного министра Якубовича. Передаю ему, что знаю и что видел. Якубович сообщает мне, что из дома военного министра только что вышел второй помощник министра князь Туманов. Якубович спрашивает — не у меня ли находится Туманов. На мой отрицательный ответ Якубович замолк. Несколько спустя те же вопросы от м-те Тумановой и те же мои ответы.

Несчастный Туманов по выходе из своего управления был схвачен озверевшей толпою солдат и брошен в глубокую реку Мойку, откуда труп его был поднят два или три дня спустя. Сейчас это все кажется каким-то кошмаром, ну... а в то время все это называлось «эксцессами», а эти эксцессы повторялись чуть не каждый день. В 7 часов вечера я, моя жена, брат жены — старший лейтенант Жигалин²¹⁵ и его молоденькая жена сели обедать в моей столовой — окнами на Зимний дворец и площадь. Почти сейчас же под самыми окнами загредел пулемет, и со стороны дворца послышалась частая ружейная стрельба. Пресловутая атака Зимнего дворца началась. Все это, так сказать, сражение разыгралось совсем не так героически, как его описывают теперь. Даже пулемет потрещал не так уж и долго. «Аврора» для острастки города выпустила — точно не помню — всего три снаряда, прогудевшие над крышей моего управления. К ночи все стихло настолько, что я задремал, строго запретив семье подходить к окнам. В 3 часа ночи я проснулся при полной тишине сна-ружи²¹⁶. Я бросился к окнам. Предо мною Зимний дворец сиял всеми своими окнами. Как оказалось, после каких-то переговоров и сравнительно небольшой стрельбы озверевшая толпа красноармейцев²¹⁷, матросов и просто грабителей ворвалась во Дворец, перехватала женщин из этого несчастного батальона, поубивала и забрала в плен юнкеров и... все

²¹⁵ Владимир Леонидович Жигалин (01.07.1887—08.03.1942) — лейтенант флота. Остался в Советской России. Умер в блокадном Ленинграде.

²¹⁶ В тексте — внаружи.

²¹⁷ Красногвардейцев.

было кончено. Несчастное Временное правительство, в полном своем составе, пешком было отправлено в Петропавловскую крепость. Недавно хитроумный военный министр Верховский вовремя уехал молиться Богу на Валаам.

Дворец, наполненный богатствами, сейчас же начали грабить. В последующие дни на площади драгоценные вещи из Дворца продавались за бесценок. Наша приятельница купила за 3 рубля серебряный самовар из литого серебра. Милейшая Н.Ф.В.²¹⁸ была осыпана нашими упреками за эту покупку, глубоко нас возмущившую.

Женский батальон частью своею попал в казармы Павловского полка.

Я слышал потом, что английский посол Бьюкенен²¹⁹ предпринимал какие-то шаги, чтобы выручить этих несчастных женщин.

Наступило утро 26 октября. Царство большевиков началось. По улицам шныряет грязная толпа, на моей площади — базар. Забегая немного вперед, долгом себе ставлю упомянуть, что в один из дней моего ареста толпа солдат начала грабить богатые погреба Зимнего дворца, набитые чаще всего драгоценным вином. Вся площадь перепилась. Люди ползали по камням или лежали мертвыми телами. Полицейские, или, как тогда уже их называли, «милицейские власти», обратились за помощью к «революционным» войскам, то есть вызвали из казарм Преображенского полка, расположенных около дворца²²⁰, части запасных батальонов. Не помогло. Часть этих солдат приняла живейшее участие в пьянстве. Как раз в это время жена моя возвращалась на моем автомобиле из Смольного института, где я сидел уже арестованным. Подъезжая к площади, она увидела громадную толпу народа, которая гудела, как улей. На расспросы моего шофера и моей жены стоящие около автомобиля люди давали дикие ответы. Между разными слухами из толпы было еще и интересное сообщение, что приехал во дворец сам царь и вот де он сам наводит порядок.

В конце концов милиция вызвала несколько пожарных команд. Пожарные начали разгонять толпу, поливая всех, кого ни попало, ледяной водой и заливая водой подвалы дворца, набитые вином. Какое-то число перепившихся до беспамятства людей — так сказать, «утонуло» в погребах, залитых водой.

²¹⁸ Н.Ф. Бер, неоднократно упоминаемая мемуаристом.

²¹⁹ Джордж Уильям Бьюкенен (25.11.1854—20.12.1924) — британский дипломат, посол Великобритании в России.

²²⁰ Речь идет о казармах 1-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка на Миллионной улице.

В это первое утро наступившего царства большевиков я получил удививший меня визит. В приемную комнату вошел в стареньком пальто седой и скромный генерал, пожелавший меня видеть. Я как раз вышел из кабинета в приемную и увидел перед собою генерала Алексеева, бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего. Я несколько изумился и почтительно ввел в свой кабинет высокопочитаемого мною Михаила Васильевича. Я знал его еще в стенах академии, в Главном управлении Генерального штаба, видел его и в Ставке государя. Как он попал в этот момент в Петроград, как его не убили по дороге — осталось мне неизвестным.

Генерал Алексейев довольно долго пробыл у меня в кабинете и в общих чертах посвятил меня в свои проекты формирования офицерских частей. Я был готов помочь ему всеми моими силами и средствами, да сил-то было еще много, а средств в этой обстановке почти что никаких. Я хотел удержать генерала Алексеева в управлении, боясь за его жизнь, но, несмотря на мои увещания, он так же скромно вышел из управления и отправился в Мариинский дворец, рассчитывая найти там кого-нибудь. Как мне стало потом известно, он там едва не был убит солдатней, но, в конце концов, исчез из Петербурга²²¹.

День прошел в томительном бездействии. Да и понятно, все мои подчиненные мне отделы вне здания моего управления заняты бунтовщиками. На улицах боязливая толпа. Выйти в офицерской форме — получить много шансов быть убитым.

Вечером, часу в восьмом, во двор здания Главного управления вломилась толпа матросов.

Меня вызвал по телефону начальник Главного штаба генерал Архангельский. «Вы не думаете, что это по нашу душу?» — спокойно спросил он меня. Я не сомневался. Да и действительно через кухню ко мне в квартиру в сопровождении толпы матросов ворвалась какая-то личность в черной шведской куртке, в черной демократической фуражке. Я взгляделся. Боже мой! Да ведь это Эксе²²², товарищ по мундиру Генерального штаба. Знал я его и по Маньчжурии, и по Кирасирскому полку, и по его службе в прикомандировании к штабу округа. «Не беспокойся!

²²¹ После захвата власти большевиками генерал М.В. Алексейев 30 октября 1917 г. покинул Петроград и уехал в Новочеркасск, куда прибыл 2 ноября для организации антибольшевистских сил (*Шапрон дю Ларрэ А.Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году / Публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 153, 157).*

²²² *Владимир Федорович Эксе (Маврос д'Эксе) (08.03.1879—1942) — подполковник. В начале XX в. служил в Лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку. В отставке (1917).*

В.Ф. Эксе. Архив Ф.А. Гуцина. В оригинальном качестве публикуется впервые

Ничего не будет..., — начал он разговор, — я еще не назначен, но в ближайшем будущем...» Куда, кем не назначен и какую властью будет «назначен» этот авантюрист, думал я. Тем временем два-три десятка матросов, стуча прикладами и грязными сапогами, заняли мою гостиную. Я прошел к себе в кабинет, сел на мою оттоманку, закурил папиросу и ждал, чем же это все кончится. Тем временем моя жена успела как-то предупредить обо всем происходящем мою команду писарей и нестроевых. Начался мой, так сказать, допрос.

Допрашивал меня какой-то прапорщик, видимо, революционер-большевик, плохо загримированный в военную форму. Матросы стояли и только слушали.

Растолковать этому импровизированному следователю, что такое Генеральный штаб и какие у него функции было невозможно. Довольно сказать, что он настойчиво добивался узнать офицер ли лишь военного времени (это я-то, георгиевский кавалер, известный преподаватель военного дела в военных училищах и академии, начальник русской дивизии во Франции...) или я представляю из себя старую армию. Во время этих дебатов мой старый слуга Блажун, как он мне говорил потом, обратил внимание, что я сижу на своей оттоманке как раз под полкой, уставленной фотографиями и портретами разных высоких лиц режима, уже отошедшего в небытие. Блажун обмер от страха, а мой революционный следователь — ничего! Да и понятно, раз он меня, старого офицера, не мог отличить от прапорщика военного времени.

Во время этого полукомического допроса в мой кабинет ворвался мой старый писарь Сопляков, да простит ему Бог его неэлегантную фамилию.

Сопляков с несколькими чинами моей нестройной команды горячо вступил в чисто революционный дебат²²³ с моим, так сказать, следователем. Надо прибавить, что мой толковый Сопляков был избранным председателем «комитета» моей многочисленной команды и потому сразу покрыл своим авторитетом моего не очень-то ловкого следователя.

Дебаты сосредоточились на вопросе увести ли меня на «Аврору» (верная смерть) или же оставить на поруках моих солдат. Последнее решение восторжествовало, но матросы все же решили поставить караул в моей квартире, чтобы я не убежал.

Караул этот я поместил на лестнице, в передней. Было их 12 человек. Жутковато было оставаться на милость этих господ с двумя красивыми женщинами в квартире. Мои писаря для моей охраны прислали мне одного из членов своего комитета, вооруженного каким-то полуигрушечным револьвером.

Итак, нас оставалось четверо мужчин (я, мой beau-frère²²⁴, мой Блажун и дежурный при мне писарь) против 12, казалось мне, разбойников. Странно, но этот матросский караул в моей довольно обширной квартире имел страшно испуганный вид. Когда били стенные часы, они кидались наверх, принимая бой часов за сигналы. Моя жена героически объясняла им, что эти звонки не что иное, как «склянки» на корабле.

Порядочно измученный всей этой комедией я лег спать. Моя бедная жена и моя belle-soeur, боясь заснуть, всю ночь пили черный кофе.

Целый день 27 октября была полная тишина. Выходить я, конечно, никуда не мог, работы никакой — при полном застое в делах.

По вечер[у], уже в темноте, матросский караул сняли. Мы вздохнули свободнее, весело обедали и более или менее спокойно легли спать.

28 октября я с раннего утра ушел в управление. Утром же, вероятно часов около десяти, меня вызвал по моему внутреннему телефону начальник моих команд и членов писарского комитета капитан, имя которого исчезло из моей памяти. Он предупреждал меня, что толпа матросов снова идет в управление и что на этот раз мне несдобровать. Надо уйти куда-нибудь.

Я спешно предупредил жену и отправил ее на квартиру к m-me Веге, а сам ушел на Гороховую улицу в один из отделов моего же управления

---

²²³ Так в тексте.

²²⁴ Шурин (фр.).

под началом генерала П.Ф. Рябикова. Бедный Рябиков давно уже окончил свои дни в Праге. Нас связывала дружба по работе в военных училищах в течение многих лет.

В одиннадцатом часу мое пребывание на Гороховой стало известным. Я уже говорил раньше, что в Главном управлении я был окружен большевиками, и каждый мой шаг доносился в совет в Смольном монастыре²²⁵. Снова мои доброжелатели предупредили меня, что матросы ищут меня и идут на Гороховую.

Надо уходить! Я, конечно, переоделся (еще утром) дома в штатское²²⁶ платье. Выхожу на улицу без определенной цели. На Морской улице кто-то громко говорит: «Bonjour! Mon Général!»²²⁷ Передо мной французский солдат из управления генерала Niessel'я. Быстро мелькает идея отсидеться в миссии генерала Ниесселя на Малой Морской улице. Иду.

В миссии я нашел моего друга капитана Лелонга (Lelong). Я рассказал ему все то, что касалось моего положения. Лелонг куда-то сбегал, вернулся и предложил мне свою квартиру в качестве убежища на далекой Таврической улице, как раз по соседству со Смольным институтом.

Иду. По дороге заехал повидать жену, дал ей номер моего телефона, мой адрес и прибыл на Таврическую улицу.

Это одна из самых красивых и тихих улиц старого Петербурга. По одной стороне ее тянется решетка густого Таврического сада, другая сторона занята барскими домами. Я покинул своего извозчика, походил перед домом и мелькнул в подъезд в минуту, когда никого не было на улице и когда швейцар (concierge) вышел куда-то. Подымаюсь в третий этаж, ищу квартиру генерала Артамонова²²⁸, в которой ютился Лелонг. Открыла мне дверь русская прислуга, уже предупрежденная Лелонгом. Конечно, я ни слова не говорю по-русски.

К вечеру собрались все обитатели квартиры. Кроме Лелонга, там жил еще Barbier, отлично мне знакомый по Mailly-le-Camp и еще какой-то офицер из миссии. Более или менее весело обедаем и вечером играем в бридж.

²²⁵ Речь идет о Смольном институте, а не монастыре. В октябре 1917 г. в Смольном располагались Всероссийский центральный исполнительный комитет, Совет народных комиссаров, ЦК РСДРП(б) и Петроградский военно-революционный комитет.

²²⁶ Штатское.

²²⁷ «Здравствуйте, мой генерал» (фр.).

²²⁸ Возможно, речь о генерале В.А. Артамонове. Виктор Алексеевич Артамонов (09.10.1873—23.08.1942) — генерал-майор. Военный агент в Сербии.

В эти дни сидения моего на Таврической улице столица была объята кошмаром революционной горячки. Я не имею под рукою данных, чтобы писать, так сказать, историю переворота 25 октября. Я пишу только то, что видели мои глаза. Только то, что касалось людей, близко со мной соприкасавшихся.

В эти дни как раз произошли частичные восстания в военных училищах. По улицам носились блиндированные автомобили, стрелявшие в восставших солдат и сами осыпаемые огнем. Не могу не вспомнить, что жившие со мною французские офицеры аккуратнейшим образом ходили через весь город на службу, несмотря на стрельбу из каждого угла.

Помнится, в эти же дни происходила геройская защита Владимирского училища, организованная самими юнкерами. Брать училище пришлось с пушками, стрелявшими в упор. Сколько молодежи было потом расстреляно большевиками, я толком не могу вспомнить при окружавшем меня хаосе. Не могу не вспомнить подробности из приключений моей жены в эти же дни.

Как я упоминал уже, жена моя была отправлена мною в эти дни на квартиру жены моего друга Н.Ф. Веге. Она провела в этом, так сказать, убежище 2 или 3 дня, связалась со мною по телефону и, конечно, никуда не выходила. Примерно на третий день пребывание ее в квартире Веги стало известным, и управляющий домом потребовал от m-me Веги или прописки жены в полиции, или ее удаления из квартиры.

Жене ничего не оставалось делать, как уйти на нашу квартиру в управление.

Она направилась вдоль Крюкова канала к «Поцелуеву» мосту на Мойке с тем, чтобы вернуться на Дворцовую площадь по Морской улице.

На улицах уже беспорядочно стреляли. Подходя к Поцелуеву мосту, жена моя увидела на самом мосту какую-то свалку красноармейцев, подъехавших на грузовике с группой юнкеров. Не отдавая себе отчета в происходящем, жена лишь видела, как двое-трое юнкеров были подняты и брошены с моста в Мойку. Вмешательство какой-то сестры милосердия привело лишь к площадной ругани и угрозам бросить в реку и ее самое.

Жена моя с плачем бросилась в первую попавшуюся подворотню, куда прибежала в слезах и эта сестра — защитница юнкеров. Потом туда же укрылся какой-то статский, сообщивший, что несчастных мальчишек побросали в воду всех.

После этого ужаса жена моя уже побоялась идти на нашу квартиру и бродила целый день по городу, не имея пристанища. Уже поздно вечером на Сергиевской улице она попала к неким Колобовым, которые ее и приютили до утра. Уже под утро, снова выйдя на улицу, жена отыскала моего Н.А. Голеевского, который и сообщил ей — состоялось соглашение между Смольным и генералом Маниковским, что меня ищут, чтобы вернуть в управление и что опасность нового ареста мне не угрожает.

Я не помню в этот ли день или раньше жена моя в платочке и потрепанном пальто нашей горничной побывала у меня на несколько минут, чтобы сообщить мне какие-то новости.

Говоря коротко: в самых первых числах ноября я вышел из своего убежища и отправился на Моховую, прямо на квартиру к генералу Маниковскому.

Маниковский сообщил мне, что он вступил в соглашение с головкой большевиков в Смольном и что в силу этого соглашения все главные управления возобновят работу на принципе полной аполитичности. Я долго беседовал с Маниковским. Мы оба понимали, что эта «аполитичность» не даст никаких результатов. Вопрос сводился лишь к выигрышу времени.

VIII. «Аполитичная» работа

На другой же день после моего выхода с Таврической улицы я постарался приступить к работе. За время моего отсутствия должность начальника Генерального штаба исполнялась Потаповым, заявлявшим, что начальник Генерального штаба «неизвестно где!» Казалось бы, что Потапов мог объяснить мое отсутствие в более корректной форме. Так или иначе, я вернулся в свой кабинет, а делать было нечего, так как всякая работа остановилась.

Кажется, в первый же день после моего возвращения в управление меня посетил один из главных народных комиссаров по военным делам — «товарищу» Крыленко²²⁹. Маленький, рыжеватый, слегка лысый с кудрявенькой бородкой — он производил довольно жалкое впечатление, пока он молчал. Едва он начинал говорить — впечатление менялось. Природа наделила его необычным даром слова. Когда он начинал ве-

²²⁹ Николай Васильевич Крыленко (02.05.1885—29.07.1938) — один из руководителей Петроградского военно-революционного комитета. Член Совета народных комиссаров по военным и морским делам. Верховный главнокомандующий (с 09.11.1917).

Н.В. Крыленко

щать, он закрывал глаза. Вспоминая его красноречие, я не говорю о содержании его речей. Это была обычная демагогическая болтовня, которую я в то время называл «дизентерией языка».

В управление он явился, так сказать, в походной форме, одетый в какую-то куртку с револьверами, торчащими из обоих карманов шаровар.

Вид этого человека глубоко возмутил моих писарей, несмотря на их революционно-демократические настроения. Я бы затруднился передать наш разговор, так как он не выходил из рамок общих мест. Из этого разговора я тогда же убедился, что большевики, уничтожив печальной памяти «Временное правительство», несколько растерялись. В особенности много затруднений представляло из себя военное министерство со всеми управлениями по специальностям. Им необходимо было, хотя бы временно, пойти на уступки и привлечь к работе компетентных людей с определенной целью выбросить их за борт при первой возможности. Вспомнить только речи, ежедневные речи Ленина с балкона особняка Кшесинской²³⁰, когда он призывал толпу «углублять революцию» и «избивать попов, помещиков и генералов».

Что было делать? Выжидать здоровых течений из армии и пока что спасать кого только можно. Вспоминая это время, я с гордостью могу

²³⁰ Особняк в Петрограде, принадлежавший балерине М.Ф. Кшесинской. В 1917 г. здание пустовало и было занято солдатами, а затем ЦК РСДРП(б). В.И. Ленин работал в этом здании с апреля по начало июля 1917 г.

Н.И. Подвойский

сказать, что не один десяток офицеров выброшен был мною под разными предлогами через Финляндию в Швецию.

Еще одно знакомство с большевистской верхушкой. Военные управления стал объезжать народный комиссар по военным делам — «товарищ Подвойский»²³¹. Длинный сухощавый блондин, тоже с бородкой, лицо благообразное, тип учителя из народной школы или, может быть, дьячка.

В один из его визитов ко мне он сообщил мне, что он только посетил отдел, заведующий подготовкой демобилизации. Подвойский был в восторге от всего, что он нашел в этом отделе. Еще бы! Они уже тогда только и думали о заключении мира, который тридцать лет спустя они называют «позором Брестского договора». Подвойский так расчувствовался, что выразил мне от имени своего самозванного правительства «благодарность». Он вероятно и не подозревал, что огромная работа по подготовке демобилизации велась с самого открытия военных действий.

Забегая много вперед, я не могу не вспомнить, как Троцкий²³² просто разрешил вопрос демобилизации при затяжных переговорах с нем-

²³¹ Николай Ильич Подвойский (04.02.1880—28.07.1948) — революционер. Член Петроградского военно-революционного комитета. Один из руководителей октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Народный комиссар по военным делам (1917—1918).

²³² Л.Д. Троцкий в 1917—1918 гг. занимал должность народного комиссара по иностранным делам.

цами. Он просто объявил, что война кончена, что войска должны возвратиться по домам. Уже развращенная солдатня бросилась на вокзалы, с боя занимала подвижной состав, влезая даже на крыши вагонов. В самое короткое время громадный процент подвижного состава был уничтожен. Солдаты срывали обивку классных вагонов, грабили все, что можно было оторвать и унести. Одного только не предусмотрел этот «вождь» по военным делам. Солдаты увезли с собою все вооружение, которое можно было унести. Глухие деревни оказались вооруженными ручными гранатами, пулеметами и, конечно, винтовками со всеми боевыми припасами. Сколько крови было пролито потом при насильственных реквизициях хлеба и съестных припасов, когда население начало умирать с голоду.

Между тем в Совете народных комиссаров в Смольном появился какой-то полковник Сухотин, называвший себя офицером Генерального штаба²³³. Едва ли этот Сухотин не был представителем Генерального штаба в рядах большевиков. Невольно думаю я, что в дальнейшем на совести Сухотина лежит немало угрызения за последующие массовые избиения офицерского состава.

В этой кошмарной обстановке я начал искать точку опоры и естественно думал найти эту опору в Ставке главнокомандующего в Могилеве. Я был связан прямым проводом со Ставкой и потому имел возможность разговаривать с Духониным в любое время дня и ночи по телефону. Конечно, это не укрылось от Совета народных комиссаров при наличии огромного количества большевиков в моей многочисленной команде.

К моему аппарату для переговоров по прямому проводу был приставлен от советов какой-то комиссар из простых рабочих. Мои писаря называли его почему-то «птичий глаз». Я стал говорить с Духониным по аппарату лишь по ночам, когда комиссар отсутствовал. Тем не менее, ленты моих телеграфных разговоров передавались аккуратнейшим образом в Смольный при содействии каких-нибудь чинов из моей же команды, сочувствующих новому порядку вещей.

В самое короткое время я убедился, что несчастный, уже обреченный Духонин никакого сопротивления оказать не может, и все его разговоры со мною лишь указывали на его высокопатриотические чувства, но не давали ни малейших намеков на какую-либо активную деятель-

²³³ Такого полковника Генерального штаба тогда не было. Возможно, *Петр Степанович Сухотин* (11.06.1862—?) — полковник.

ность. Мы подвигались к началу мирных переговоров с немцами. В Петербурге то там, то здесь замелькали немецкие мундиры.

В этот же период началась подготовка к выборам в Учредительное собрание.

Как это ни странно, к агитации перед выборами были допущены все политические партии до «кадетов», то есть до приверженцев конституционно-демократического режима (к.д.). Для предвыборной пропаганды я допустил несколько ораторов даже в стены Главного управления Генерального штаба. Не могу не вспомнить блестящую речь Набокова²³⁴, заступавшего²³⁵ интересы кадетской партии. Бедный Набоков несколько спустя был убит в Берлине каким-то извергом²³⁶. Помню еще великолепную речь представителя социалистов-революционеров. Были, конечно, ораторы и от других политических группировок.

По городу распространялись предвыборные списки. По всему городу на улицах шла ожесточенная агитация. То там, то здесь можно было видеть всевозможных ораторов, кричавших с высоты грузовиков, окруженных нервной, наэлектризованной толпой.

В день выборов я не побоялся в открытую бросить в урну кадетский список.

Большевики торжествовали или делали вид, что торжествуют победу. Крыленко, заезжая в мое управление, торжественно заявлял: «Поздравьте нас... Мы победили там-то... и там-то...» Помнится, победа-то не была из особенно блестящих, так как много позже Учредительное собрание было закрыто простым матросом и немедленно разогнано красными бандами²³⁷.

В один из этих же дней все начальники главных управлений военного министерства были созваны на совещание в одной из зал Главного управления казачьих войск.

Я тоже должен был присутствовать на этом совещании, несмотря на страшную головную боль. Приехал и едва имел силу сидеть.

Выход Крыленко на это совещание был обставлен некоторою торжественностью. Он вышел из соседнего зала, окруженный целою свитой

²³⁴ Владимир Дмитриевич Набоков (08.07.1869–28.03.1922) — юрист, политический деятель, один из лидеров кадетской партии.

²³⁵ Так в тексте. Видимо, защищавшего.

²³⁶ В.Д. Набоков был убит в Берлине 28 марта 1922 г. во время покушения эмигрантов-монархистов на лидера кадетов П.Н. Милюкова.

²³⁷ Учредительное собрание было распущено большевиками 6 января 1918 г. Завершить затянувшееся до утра заседание потребовал матрос-анархист А.Г. Железняков. После этого в здание Таврического дворца депутатов уже не пускали. В тот же день был принят декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания.

не менее чем в сорок приспешников. Вся эта свита очень чисто и даже элегантно одета; вероятно, прибыли они из самого Берлина. Лица — изумеры. Выражение лиц — упрямство с большою примесью идиотизма. Неприятное впечатление от кадыков, торчащих из низких крахмальных воротничков. Вероятно, вся эта компания была еще и вооружена на всякий случай.

Крыленко заговорил. Речь его, блестящая по красноречию, была, конечно, пацифистической пропагандой и, конечно, резкой критикой нашей работы! Еще бы! Все мы работали на войну до победного конца, большевики сразу заговорили о мире, то есть о предательстве в отношении наших союзников.

Все наше совещание в сущности и ограничилось этою речью. Начальник Главного штаба генерал Архангельский подошел ко мне и спросил: «Вы не находите, что нас сегодня высекли?» Я сидел в углу подавленный и этой речью, и невыносимой головной болью. Ко мне подошел Крыленко и после нескольких слов критики действий Духонина предложил мне встать во главе командования всеми армиями. Об этом еще могла бы быть речь, если бы можно было рассчитывать на продолжение войны, но при всех попытках добиться мирных переговоров — конечно нет! нет! и... нет!

А между тем Совет народных комиссаров настойчиво подготавливал первые шаги к заключению перемирия. Во главе этой позорной работы стоял народный комиссар Троцкий (он же по-своему еврейскому происхождению Бронштейн). Уже тогда Троцкий имел огромный вес в большевистских кругах, но, тем не менее, все его заслуги в конце концов окончились его высылкой и насильственной смертью где-то в Мексике.

Знал ли, вернее, чувствовал ли он, что его жизнь в тот момент находилась почти что в моих руках. Вот как создалось это странное, невероятное положение.

В один из этих первых дней ноября ко мне приехал военный представитель Великобритании генерал Нокс. Я уже упоминал, что он прекрасно владел русским языком. На этот раз нам пришлось говорить по исключительно деликатному вопросу при абсолютном секрете нашего достаточно длинного разговора. От имени английского посла Бьюкена Нокс предложил мне передать в мое безотчетное распоряжение тридцать с половиною миллионов золотых рублей для организации убийства Троцкого.

Старая офицерская честь и достоинство моих генеральских эполет возбудили во мне в первый момент чувство даже негодования. Но я бы-

стро пришел в себя... Английский посол, отлично осведомленный обо всем, что происходит в Совете народных комиссаров, во что бы то ни стало хотел, так сказать, спасти войну. Он знал, что главной пружиной неуклонно двигающей все к мирным переговорам является Троцкий. Следовательно, надо во что бы то ни стало его убрать. Отлично осведомленный о моих взглядах и усилиях сделать все для продолжения военных действий, Бьюкенен решил обратиться ко мне. Со всею возможною деликатностью я отказался от выполнения этой, казалось англичанам, почетной задачи. Вместе с тем, отлично понимая целесообразность этой исключительной меры, я посоветовал Ноксу обратиться к некоему Морозову²³⁸, только что выпущенному из Шлиссельбургской крепости, где он провел в заключении 30 лет²³⁹. Причастный ко всем слоям освободительного движения [18]70-х годов, движения, приведшего к ужасному убийству императора Александра II²⁴⁰, Морозов, казалось мне, мог со своим опытом оказаться полезным англичанам в этом, позволю себе сказать, все-таки грязном деле.

После визита Нокса я решил все же послать к Бьюкенену моего искусственного опытом в дипломатической службе Н.А. Голеевского, отлично владеющего английским языком, для мотивированного отказа моего в этом деле. Как сложился этот заговор в дальнейшем, я не знаю и не мог знать, так как через немного дней после этих разговоров я уже сам был арестован.

В эти же дни американцы послали ко мне своего военного представителя — Принца²⁴¹ — для переговоров о воздействии на большевиков в смысле продолжения военных действий. Я дал совет воздействовать на большевиков путем прекращения отправки всех грузов, идущих из Америки через Владивосток. Я не знаю, путем какого предательства или политической безграмотности американцев, но этот разговор, за который я рисковал заплатить жизнью — был в деталях передан в Совет народных комиссаров.

Говоря об иностранцах, не могу не вспомнить, как хорошо был разрешен вопрос связи с народными комиссарами французской военной миссией. Французы обратились к одному из деятелей французской ком-

²³⁸ Николай Александрович Морозов (25.06.1854—30.07.1946) — революционер, народник, народоволец.

²³⁹ На самом деле Н.А. Морозов был освобожден из тюрьмы еще в 1913 г.

²⁴⁰ Александр II (17.04.1818—01.03.1881) — российский император (1855—1881).

²⁴¹ По-видимому, речь идет о Юджине Принсе — американском переводчике в Петрограде в 1917 г.

мунистической партии, некому Садуилью²⁴². В свое время он был мобилизован и в чине капитана находился в этот период в России. Личный друг Троцкого по коммунистической партии, Садуиль чуть не каждый день пребывал в Смольном и был, конечно, отлично осведомлен о деятельности народных комиссаров.

Уже в десятых числах ноября я получил сведения, что переговоры о перемирии в ближайшем будущем начнутся в Брест-Литовске и что в состав делегации должны будут войти офицеры Генерального штаба. Приехал ко мне и Сережа Одинцов с приказанием, так сказать, назначить представителей Генерального штаба в состав миссии, отправляемой в Брест в ближайшие дни. Положение стало серьезным. Видимо «аполитичной» работе пришел конец.

IX. Переговоры в Бресте. Мой арест. Кресты

Десятого или двенадцатого ноября я получил телеграмму Духонина, которая начиналась примерно так: «Получил приказ о перемирии, считаю это изменой...»

Мне стало ясно, что какой бы то ни было игре с большевиками в «аполитичность» пришел конец. Моя точка зрения на войну осталась неизменной. Я немедленно подал рапорт исполняющему должность военного министра Маниковскому об увольнении меня от должности, указав на измену большевиков союзникам и на преступную роль перемирия в отношении Сербии. Увы! Маниковский не дал хода моему рапорту об отставке, видимо, «чашу» надо было испить до дна.

Не помню точно, но, кажется, 12 ноября я получил вызов в Смольный институт. Я сомневался, ехать или не ехать. В конце концов решил, что, может быть, можно еще если не остановить, то отложить переговоры. Еду.

Иду по грязным коридорам, толпы матросов, расхлестанных солдат и просто каких[-то] личностей в небрежных и чаще всего грязных костюмах...

Меня ввели в какую-то сравнительно небольшую комнату, просто оштукатуренную в белый цвет. В комнате вижу стоящих адмирала

²⁴² Правильно — Садуль. Жак Садуль (1881—21.11.1956) — французский офицер, капитан, коммунист. Атташе при французской военной миссии в Петрограде.

В.М. Альфатер

Доливо-Добровольского²⁴³ и капитана 1 ранга Альфатера²⁴⁴, которого я отлично знал и много раньше. За письменным столом спиной к стене сидит еще не старый еврей, типичный еврей с густой гривой черных волос, с небольшими усами и бородкой. Догадываюсь, что это и есть Троцкий, он же Бронштейн. Впечатление отталкивающее.

С видом начальствующего лица он бросает мне в лоб вопрос: «Почему не посланы офицеры Генерального штаба на поезд, отходящий в Брест? Поезд стоит и ждет!!...»

Как я ни приготавливался к этой встрече, чтобы поставить этот разговор в известные рамки — кровь бросилась мне в голову. Я категорически отказал и с глубоким презрением закончил мой ответ фразой: «Вы знаете, кто я, да и я знаю, кто Вы!»

Троцкий быстро встал и вышел из комнаты. У дверей комнаты появился вооруженный часовой.

Ко мне бросились и Альфатер, и Доливо-Добровольский. «Как Вы могли говорить так и с кем? С самим, так сказать, диктатором?» Я уже не помню, какую отповедь я дал этим представителям флота.

²⁴³ Мемуарист неточен. Борис Иосифович Доливо-Добровольский (02.12.1873—19.09.1938) — капитан 1-го ранга. Один из первых советских военно-морских специалистов.

²⁴⁴ Василий Михайлович Альфатер (04.12.1883—20.04.1919) — капитан 1-го ранга, контр-адмирал (с 10.10.1917). Помощник начальника Морского Генерального штаба.

Полковник А.В. Станиславский. *Научный архив Института российской истории РАН.
Публикуется впервые*

Я ждал недолго. Часового сняли, и я мог уехать домой. Ехал и еще в дороге раздумывал, что бы можно было сделать. Помнится, я заехал к кому-то из офицеров Генерального штаба посоветоваться и убедился, что добровольно никто не поедет на эти позорные переговоры. По приезде в управление я решил обратиться со всеми этими вопросами к комитету всех чинов управления.

Я вызвал к себе вожаков комитета и объяснил им всю низость и подлость договора с немцами. Сам я не участвовал в комитете и мог лишь воздействовать на решение вопроса только таким путем.

После долгих и жарких прений комитет постановил все же послать в Брест подполковников Шишкина²⁴⁵ и Станиславского²⁴⁶ с условием, помнится, ограничиваться лишь компетентными советами, воздерживаясь принимать участие в решениях. Одновременно в газеты было послано заявление с резкой критикой действий Совета народных комиссаров, нарушающих священные обязательства России в отношении союзников.

²⁴⁵ Владимир Иванович Шишкин (28.02.1881—?) — полковник. И.д. генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (на 11.1917). Состоял в распоряжении начальника Генерального штаба (с 12.1917).

²⁴⁶ Андрей Васильевич Станиславский (30.11.1883—21.07.1941) — полковник. И.д. 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ. Фактический руководитель зарубежной агентурной разведки Советской России.

На вокзал был послан, чтобы задержать отход поезда, полковник Дурново, после упрасиваний моей жены, боявшейся за мою жизнь, казалось бы, с достаточными основаниями. Я был спокоен, но, естественно, думал, что все это не может кончиться благополучно.

Часа в три ночи на следующий день к подъезду моей квартиры подъехал автомобиль с вооруженными матросами. Все выходы были заняты и в двери моей спальни начали стучать. «Во имя закона, отворите». Одеваемся, выхожу.

Один из матросов предлагает мне немедленно одеться и отправиться в Смольный. Я отдаю себе отчет, что это «арест», но сделать ничего не могу против этой шайки, не подвергая огромной опасности мою жену. Быстро делаю необходимый туалет, выхожу, сажусь в автомобиль, еду. Один из матросов еще на квартире расстегнул свой бушлат и показал под ним куртку с офицерскими погонами. Я бы не удивился, если бы погоны оказались и генеральские.

Приезжаем в Смольный, по грязным коридорам меня провели в обширный дортуар²⁴⁷ из двух отделений. В первом отделении находился большой стол, на столе медный чайник с кипятком, белые кружки. Во втором отделении — дортуар с постелями. Не помню сколько было постелей. Тут же большой умывальник с медными трубочками, не менее чем на 8–10 персон.

В этом помещении я нашел моего военного министра Маниковского, арестованного одновременно со мной. Какие-то личности сидят за столом, десяток арестованных спит. Не помню кто, но кто-то указал мне мою кровать с тюфяком, подушкой и одеялом. Чисто. Вероятно, это был дортуар молодых девушек-институток, уже исчезнувших, конечно, из этого здания.

На утро я был вызван в ту же комнату, где я первый, да и последний раз видел Троцкого. На этот раз в комнате находился подполковник Шишкин; он горячо объяснял какой-то свой промах, Подвойский его разносил, а Шишкин с видом мальчишки просил: «Простите, пожалуйста». Гадко! Отвратительно!

Я не помню моей беседы с Подвойским, но ручаюсь, что беседа эта была в абсолютно корректной форме.

Возвращаюсь в мой дортуар. Все уже на ногах. Среди арестованных нахожу Аргунова²⁴⁸, известного деятеля партии с.р., то есть социалистов-

²⁴⁷ Дортуар — общая спальня воспитанников закрытых учебных заведений.

²⁴⁸ Андрей Александрович Аргунов (19.10.1866—07.11.1939) — один из лидеров партии эсеров.

революционеров, тут же два офицера из женского батальона, охранявшего Зимний дворец. Еще какие-то личности, с которыми в разговоры не вступаю, боясь провокации.

Скучно тянется день. Познакомился и разговорился с Аргуновым. Совершенно чуждый революционным течениям, я в первый раз в жизни встретил настоящего опытного и умного революционера и с большим интересом слушал его оценку настоящего политического момента.

Мы понравились друг другу и настолько сошлись, что Аргунов советовал мне даже войти в партию, гарантируя все возможности побега. Мне, конечно, все эти проекты не подходили, да и трудно честному человеку, четверть века служившему режиму, отказаться от своего прошлого.

И потянулись скучные, серые, невыносимые дни...

Время от времени в помещении с начальствующим видом появлялись матросы. Одеты чисто. Штаны с широким клешем²⁴⁹, обязательная фуфайка (полосатка) отсутствует, шея и грудь обнажены. Это, ведь, особый революционный «шик». Руки в карманах штанов. Медленными шагами и щурясь, они обходят помещение. Я во время этих визитов ложился на кровать и поворачивался спиной к этим блюстителям порядка.

Жена моя привезла мне статское платье. Мой верный Блажун возит пищу из дома, хотя арестованным и дают какое-то варево, не то суп, не то щи.

Ко мне ездит и навещает меня моя *belle-soeur*, жена брата жены — Владимира и *m-me Vete*, милейшая. Они ничего не боятся, мужчины — не показываются. Жена, можно сказать, «не выходит» из Смольного, но об этом скажу несколько ниже.

Время от времени меня вызывают на допросы к «так сказать» — следователю. Следователь — некий Красиков²⁵⁰. Кто он, откуда он — не знаю. В то время для меня это просто была какая-то темная личность в потертом коричневом сюртучке. Разговоры наши касались широких политических задач, причем он, касаясь войны, называл французов и англичан — «союзничками» с презрительной улыбкой. Но я должен был признать, что наши беседы не выходили из совершенно корректных рамок и скорее походили на обмен мнениями. Раз как-то Красиков спро-

²⁴⁹ В тексте — клошем.

²⁵⁰ *Петр Ананьевич Красиков* (05.10.1870—20.08.1939) — революционер. Председатель военно-следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Петроградском военно-революционном комитете.

А.А. Аргунов

сил меня — почему, собственно, я не подал в отставку при моих взглядах. Я сообщил ему, что я это и сделал при первых же признаках мирных переговоров, но что моя отставка не была принята.

Тем временем жена моя повела целую наступательную кампанию. В тесной связи с моим писарским комитетом она неустанно протестовала против моего ареста, не стесняясь вступать в самые жаркие споры в самих стенах Смольного.

Не могу не упомянуть ее жарких споров с народным комиссаром Бонч-Бруевичем²⁵¹, ее постоянных встреч в стенах Смольного с матросом, вернее с переодетым в матроса неким Алексеевским. Кто он был — я не знаю и до сих пор, но советы его, несомненно, помогли жене в этой странной, сказал бы я, сумасшедшей обстановке. Еще одна встреча. Какой-то Мстиславский, судя по газетам, разговорам, прокламациям, оказался по наведенным справкам вовсе не Мстиславским, героем каких-то боев — но С.Д. Масловским, бывшим заведующим нашей академической библиотекой²⁵². Я знал его до его женитьбы

²⁵¹ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (28.06.1873—14.07.1955) — советский партийный и государственный деятель, помощник и секретарь В.И. Ленина. Управляющий делами Совета народных комиссаров. Родной брат одного из первых советских военных специалистов, генерала М.Д. Бонч-Бруевича.

²⁵² Сергей Дмитриевич Мстиславский (Масловский) (23.08.1876—22.04.1943) — революционер, писатель. Сын генерала Д.Ф. Масловского. В начале XX в. работал библиотекарем Николаевской академии Генерального штаба. Член партии эсеров (с 1904). Член ЦК партии левых эсеров (с 1917).

и был с ним в самых товарищеских отношениях, бывая в его семье. Как милейший Сергей Дмитриевич обратился в революционного героя, я и не знал, и не видал, но жена моя решила обратиться к нему и поехала на его квартиру.

**Хорватский государственный архив (HDA). HR-HAD-810.
К. 1. Подлинник. Рукопись**

**[Приложение: Воспоминания В.В. Марушевского
об отъезде в Финляндию]**

13 декабря 1917... Грязный вагон Финляндской железной дороги... грязными эти вагоны стали только в «великую эпоху» завоеваний революции... Я под видом больного лежу, прикрытый полушубком, на лавке... Подходим к станции Териоки²⁵³... за Териоками уже самостоятельная «освобожденная» Финляндия. Жду...

На станции в вагон влезают какие-то грязные люди. Грубый, хамский допрос, при этом, конечно, еще и наивный, ни к чему не ведущий. Меня оставили в покое... Больной... Еще десять минут и я за пределами родной России. Разлука на многие годы, а казалось... на несколько недель. Вот-вот соберется Учредительное собрание и — конец этой муке, этому кавардаку...

Замелькали знакомые станции и вот уже и родной мне Выборг, гарнизон моего незабвенного 7-го Финляндского стрелкового полка²⁵⁴. Мы, стрелки, все его любили, этот «чухонский» городок, чистенький, усыпанный цветами в летнюю пору, красивый, уютный... Мы, финляндцы, знали не ту Финляндию, которая была каким-то пугалом в чиновных сферах Петрограда, но бесконечно привлекательную Ингерманландию с ее несравненной культурой, чистотой, чудными дорогами и синими озерами. Да и финны, эти странные революционеры, которых так неудачно усмирлял Бобриков²⁵⁵, для нас были просто людьми, глубоко лю-

²⁵³ Териоки — дачный поселок на побережье Финского залива и железнодорожная станция в 50 км от Петрограда. В 1918—1940 гг. — в составе Финляндии. Ныне — город Зеленогорск в составе Санкт-Петербурга.

²⁵⁴ Полк, которым в 1915—1916 гг. командовал В.В. Марушевский.

²⁵⁵ Николай Иванович Бобриков (15.01.1839—17.06.1904) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа (1898—1904). Проводил политику русификации Финляндии. Смертельно ранен финским чиновником.

блящими свою страну, а к нам, коренным стрелкам, отлично относящимися. И вот, после всех переживаний осени 1917 — я снова подъезжаю к Выборгу.

Остановка 10 минут — пересадка в поезд, идущий на Иматру — цель моего путешествия.

Выборг уже не тот... Грязно, уныло, люди злы, грубы... Невольно вспоминается недавнее убийство генерала Степанова, моего старого друга, кошмарная смерть многих других, погибших в этот день... Хочется дальше, дальше от этого уже проклятого места, все хорошее, доброе, что не забыть, казалось, заплевано, захватано грязными лапами революции. Слава Богу, только 10 минут! Поезд... и дальше на Иматру.

Уже на закате подъезжаем к маленькой, давно знакомой станции у знаменитого водопада²⁵⁶. Ясный зимний день, заиндевевший лес стоит, окрашенный розовыми лучами. Все под снежным покровом, мягко похрустывают сани... На душу изливается чувство глубокого покоя, так кажутся далеко отошедшими кошмары последних дней в Петрограде и так далека эта грязь, грязь в чисто физическом смысле этого слова, грязь, сопутствующая, вероятно, всякую революцию²⁵⁷ и великую, и невеликую... Улицы грязные, квартиры с клопами и вонью, рожи мрачные, невымытые лапы...

От станции час дороги до давно знакомой санатории «Рауха», куда зовут, где ждут старые, искренние друзья. Дорога почти все время лесом, и незаметно бежит этот час отдыха и тишины. Вот знакомые ворота с надписью «Raucha», потом еще километра 2 аллеи по девственному лесу и замелькали уже огни огромного корпуса санатории...

Прибыли, окружены, обнимают, целуют, сколько друзей и добрых знакомых... Живы? Вырвались? А мы уж и не думали?... Расскажите, что же там, когда же?...

Так началась моя эпопея в Финляндии в 1917–1918, которая, кажется мне, представляет из себя не лишённую интереса страницу моей жизни.

В эту смутную эпоху мне посчастливилось воспользоваться шестью неделями полного отдыха, покоя и лечения в самых лучших условиях после моих приключений в Петрограде на посту начальника Генерального штаба.

Санаторию «Рауха», стоявшую в десяти верстах от глухой ветки железной дороги, как-то забыли, не трогали. Не было в этой глуши ни

²⁵⁶ Иматра — водопад на реке Вуокса. В 1920-е гг. перекрыт плотиной ГЭС.

²⁵⁷ Так в тексте.

комиссаров, ни властей, ни русских, ни финских. Естественно, что этим раем земным воспользовались многие из тех, которые рисковали своею головою по своему прошлому служебному положению, по своему имени, богатству.

Пеструю картину представляли из себя жители «Рауха». Тут были и почти что министры в прошлом, и люди, состарившиеся в полиции, и представители финансового мира. Этих — всего больше и преимущественно из еврейства.

В эти дни осуществлялись как раз самые великие реформы революции в смысле вскрытия сейфов и открытого грабежа чужого имущества.

НДА. НР-НАД-810. К. 1. Подлинник. Рукопись

REFERENCES

1. *Gagkuev R.G. General M. Zhanen i ego dnevniki i vospominaniya o Rossii // Zhanen M. S missiej v voyuyushchej Rossii. 1916–1917 gg. Moya missiya v Sibiri. 1918–1920 gg. Vospominaniya, dnevniki, stat'i. Pod red. R.G. Gagkueva. M.: Kuchkovo pole Muzeon; Izdatel'skij centr «Voevoda», 2023. P. 9–61.*
2. *Ganin A.V. Vyborgskaya krepost' // Rossiya v 1917 godu. Enciklopediya. M.: ROSSPEN, 2017. P. 218.*
3. *Ganin A.V. Kak stanovyatsya antibol'shevikami? General E.K. Miller i revolyucionnaya armiya v 1917 godu // Pervaya mirovaya vojna i Evropejskij Sever Rossii. Arhangel'sk: ID SAFU, 2014. P. 121–132.*
4. *Ganin A.V. «Ya sam sdelalsya olovnyannym soldatikom...» Detskie vospominaniya i vzroslye razmyshleniya belogo generala Vladimira Marushevskogo // Rodina. 2024. № 2. P. 110–113.*
5. *Ganin A.V. Poslednij nachal'nik General'nogo shtaba staroj Rossii general V.V. Marushevskij i ego neizvestnye vospominaniya kak istoricheskij istochnik // XI Volkonskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (v pechati).*
6. *Golinkov D.L. Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR. M.: Politizdat, 1980. Book 1. 335 s.*
7. *Kavtaradze A.G. Iz istorii russkogo General'nogo shtaba (avgust 1914 goda – maj 1918 goda) // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1976. № 3. P. 103–109.*
8. *Karushkina N.V. Obyski u byvshih chlenov Imperatorskogo doma v Krymu v aprele 1917 g. // Novejshaya istoriya Rossii (SPb.). 2023. T. 13. № 2. P. 305–321.*
9. *Kuz'micheva L.V. Neopublikovannye vospominaniya generala V.V. Marushevskogo // Russkaya emigraciya na Balkanah: sb. nauch. trudov. Skop'e: Institut za nacionalna istorija, 2021. P. 321–333.*
10. *Ostrovskij A.V. General N.M. Potapov i bol'shevik M.S. Kedrov (k voprosu o podgotovke Oktyabr'skogo vooruzhennogo vosstaniya 1917 g. v Petrograde) // Revolyuciya 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady: Sb. nauch. statej. SPb.: [B.i.], 2014. P. 68–76.*

11. *Poltorak S.N. Voennaya i nauchnaya deyatel'nost' Aleksandra Ivanovicha Verhovskogo.* SPb.: Ostrov, 2014. 298 p.
12. *Safronov Yu.I. Dnevnik Verhovskogo.* M.: Veche, 2014. 480 p.
13. *Yushko V.L. General Marushevskij — iz Francii v Rossiyu // Rejtar.* 2003. № 2. P. 128–161.

Ключевые слова:

В.В. Марушевский, офицерство и революция, воспоминания, Генеральный штаб, военная элита.

Andrey V. Ganin

«TWO MONTHS AS THE CHIEF
OF THE GENERAL STAFF
(SEPTEMBER — OCTOBER 1917)»
BY GENERAL V.V. MARUSHEVSKY

The publication of the memories of General V.V. Marushevsky, the last Chief of the General Staff in old Russia. Memories, discovered in the Croatian State Archives are previously unknown even to specialists. They were written by Marushevsky during the years of exile, and are dedicated to the events of autumn 1917. They contain descriptions of his meetings with prominent military and political figures and his eyewitness account of the storming of the Winter Palace on October 25, 1917, as he lived in the Main Staff building on Palace Square in Petrograd at the time.

Keywords: V.V. Marushevsky, Officers and Revolution, Memories, General Staff, Military Elite.

Introduction, preparation for publication and comments:

Andrey V. Ganin — Dr. Hab. in History, leading research fellow Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Введение, подготовка к публикации и комментарии:

 Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН. SPIN-код: 1144-9875